

КОНН ИГГУЛЬДЕН

Великий
Лев Англии
мертв.
Кто предъявит
права на трон?

ВОЙНА РОЗ

КНИГА I

— Буревестник —

Война роз

Конн Иггульден

Война роз. Книга 1. Буревестник

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Иггульден К.

Война роз. Книга 1. Буревестник / К. Иггульден — «Азбука-Аттикус», 2013 — (Война роз)

ISBN 978-5-389-25390-2

Король Генрих Пятый из династии Ланкастеров, победитель французов при Азенкуре, внезапно скончался, так и не сумев переломить в свою пользу ход военной кампании на континенте. Наследие великого Льва Англии досталось его сыну, слабому телом и духом младенцу. Мало того что без поддержки регентов, своих могущественных родственников, Генрих Шестой не мог править увязшим в Столетней войне королевством, он был подвержен приступам безумия. И вот настал момент, когда регент Ричард Плантагенет, герцог Йоркский, решил, что без сильного короля страна неизбежно падет. И похоже, его опасениям суждено сбыться – французские войска одерживают победу за победой, а в английских графствах вспыхивают мятежи. Так кто же способен спасти трон? Кому достанется роль защитника Англии?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-25390-2

© Иггульден К., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

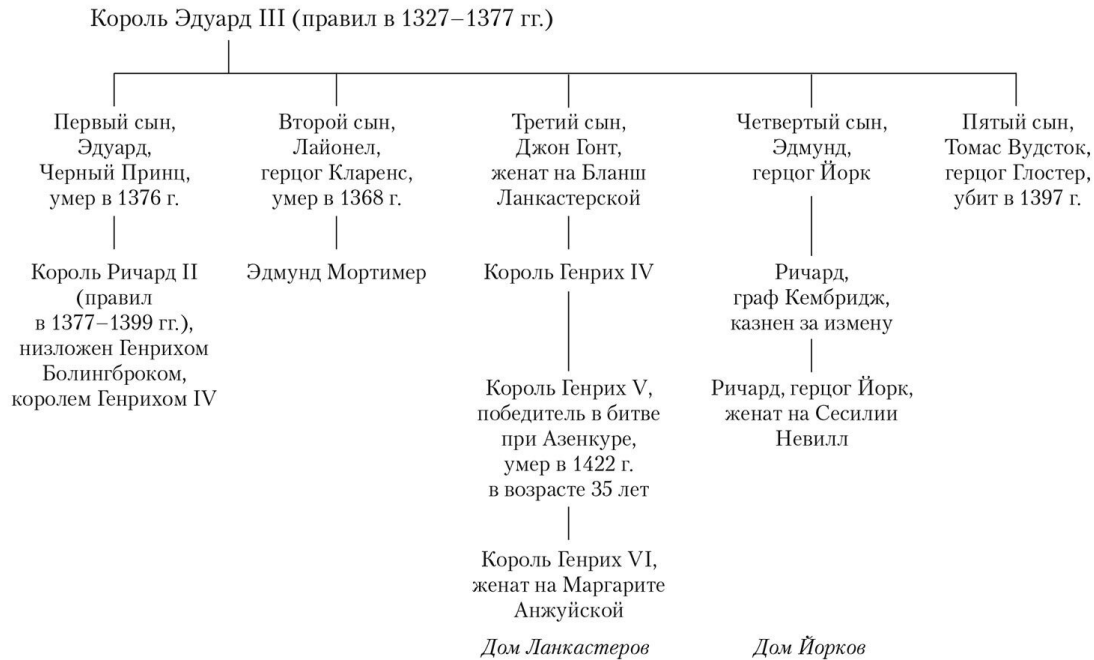
Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	52
Глава 8	58
Глава 9	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Конн Иггульден

Война роз. Книга 1. Буревестник

ЛИНИИ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ ДИНАСТИИ ПЛАНТАГЕНЕТОВ

Пролог

1377 год от Рождества Христова

Под кроватью стояли забытые врачом тазы, полные темной королевской крови. Алиса Перрерс, только что облачившая короля Англии в доспехи, сидела рядом в кресле, тяжело дыша после неимоверных усилий. В воздухе витал запах пота и смерти. Бледный седобородый Эдуард лежал, словно собственное извояние.

В устремленных на него глазах Алисы стояли слезы. Удар, поразивший Эдуарда, обрушился на него с чистого весеннего неба, невидимый и ужасный, при теплом, ласковом ветерке. Подавшись вперед, она заботливо склонилась над ним и вытерла струйку слюны, вытекавшую из опустившегося уголка рта. Некогда он был очень силен – мужчина из мужчин, который мог сражаться от рассвета до заката. Сверкающие доспехи были покрыты отметинами и шрамами, как и тело их владельца. Под собой они скрывали увядшие мышцы и изношенные кости.

Она ждала, когда он откроет глаза, не уверенная в том, что у него сохранилась способность мыслить. Порой сознание возвращалось к нему, но с течением дней эти периоды случались все реже и длились все меньше. На рассвете он проснулся и попросил шепотом, чтобы на него надели доспехи. Врач вскочил с кресла и принес один из своих отвратительных настоев. Эдуард, слабый, как ребенок, пытался отвести в сторону сосуд с неприятно пахнущим лекарством, который совали ему в рот. Увидев эту картину, Алиса преисполнилась решимости и, не обращая внимания на протесты и угрозы, выгнала врача из королевских покоев, охаживая его своим фартуком, после чего закрыла за ним дверь.

Приподняв голову, Эдуард наблюдал за тем, как она снимает с вешалки кольчугу. На его лице промелькнула улыбка, затем голубые глаза закрылись, и он откинулся назад на подушки. На протяжении следующего часа она возилась с кожаными ремнями и металлическими застежками и ворочала обессиленное, беспомощное тело старика, вытирая ладонью испарину с покрасневшего лица. Ее брат был рыцарем, так что ей и прежде доводилось снаряжать мужчину на войну.

К тому моменту, когда она, натянув ему на руки перчатки, устало опустилась в кресло, сознание едва брезжило в нем, и Эдуард лишь тихо стонал. Его пальцы судорожно сжимали мягкое одеяло, и тут Алиса поняла, чего он хочет. Она поднялась, взяла обеими руками большой меч, стоявший прислоненным к стене, и положила его рядом с ним на кровать так, чтобы он мог взяться за рукоятку. Когда-то Эдуард с легкостью потрясал им над головой, будто он был невесомым. Она смахнула с лица горючие слезы, когда его ладонь судорожно вцепилась в рукоятку. В тишине комнаты отчетливо послышался скрип перчатки.

Она удовлетворенно кивнула. Дело было сделано. Теперь он выглядел подобающим образом, как настоящий король. Достав из кармана гребень, Алиса принялась расчесывать его растрепанные волосы и свалявшуюся бороду. Ждать оставалось недолго. Одна сторона его лица опала, словно потек растаявший воск. Дыхание постепенно становилось хриплым и прерывистым.

В свои двадцать восемь она была почти на сорок лет моложе короля, но до того, как его одолела болезнь, он оставался энергичным и сильным, словно время не властвовало над ним и ему предстояло жить вечно. Он правил всю свою жизнь, и никто из тех, кого она знала, не помнил ни его отца, ни великого Молота Шотландцев, правившего до того. Династия Плантагенетов оставила неизгладимый след в истории Англии и разорвала Францию на части в битвах, где, как всем казалось, не было шансов на победу.

Гребень цеплялся за спутанные пряди бороды. Изможденный болезнью король открыл глаза. Алиса съежилась под его свирепым взглядом, столь долгое время вызывавшим трепет в ее душе.

– Я здесь, Эдуард, – произнесла она полупшепотом. – Я с тобой. Ты не один.

Его лицо исказила гримаса. Свободной левой рукой он схватил ее руку с зажатым в ней гребнем и привлек к себе. Каждый вдох давался ему с трудом. Когда он заговорил, его лицо побагровело от напряжения. Алиса наклонилась, чтобы лучше расслышать слова короля.

– Где мои сыновья? – спросил он. Его голова на мгновение оторвалась от подушки и тут же упала назад. Трясущиеся пальцы правой руки сжимали рукоятку меча, ища в этом успокоения.

– Они скоро придут, Эдуард. Я послала гонцов к Джону, чтобы он вернулся с охоты. Эдмунд и Томас тоже уже в пути. – Едва произнесла эти слова, она услышала звук шагов и приглушенные мужские голоса. Алиса хорошо знала его сыновей и поняла, что их разговор подошел к концу. – Они отошлют меня, любовь моя, но я буду поблизости.

Фаворитка поцеловала короля в губы и ощутила неестественный жар его прерывистого дыхания. Откинувшись на спинку кресла, она различила резкий голос Эдмунда, рассказывавшего двум своим спутникам о пари, которое он заключил. Как бы ей хотелось, чтобы среди них был старший брат, но Черный Принц умер годом ранее, так и не унаследовав королевство отца. Потеря наследника стала первым ударом для Эдуарда, за которым последовали и другие. Отец не должен переживать своих сыновей, подумалось ей. Это слишком жестокая участь – как для короля, так и для простого человека.

Дверь открылась с таким грохотом, что Алиса даже вздрогнула. Каждый из трех вошедших мужчин по-своему походил на отца. Как и прадед, носивший прозвище Длинноногий, они были среди самых высоких людей, каких ей когда-либо доводилось видеть, и сразу заполнили собой комнату.

Стройный и черноволосый Эдмунд Йорк, никогда не жаловавший фавориток отца, нахмурился, увидев женщину, сидевшую рядом с Эдуардом. Алиса поднялась с кресла и отошла в сторону. Стоявший рядом с ним Джон Гонт имел такую же бороду, как у отца. Правда, она была густа, черна и пострижена острым клином, полностью скрывавшим горло. Они вошли первыми и приблизились к кровати Эдуарда, который опять закрыл глаза.

Алиса, стоявшая в стороне с опущенной головой, испытывала душевный трепет. Пользуясь покровительством короля, она скопила немалое состояние, но ей было хорошо известно, что любой из присутствовавших в комнате мужчин может в любой момент, когда ему взбредет в голову, распорядиться о конфискации всего ее имущества и земель. Герцогский титул был все еще нов, и пока никто не пытался оспорить их власть. Среди графов и баронов они были почти полноправными королями и равными себе считали лишь тех, кто сейчас находился вместе с ними в этой комнате.

Двое из пяти герцогов, получивших титул от Эдуарда, отсутствовали. Лайонел, герцог Кларенс, умер восемью годами ранее, оставив после себя лишь дочь. Сыну Черного Принца было всего десять лет. Ричард унаследовал от своего отца герцогство Корнуоллское – точно так же, как должен был унаследовать само королевство. Алиса встречалась с обоими детьми и питала надежду, что Ричарду удастся выжить, преодолев соперничество своих могущественных дядьев, и стать королем. Однако, говоря откровенно, она не поставила бы на него ни пенни.

Самым молодым из сыновей Эдуарда был Томас, герцог Глостер. Возможно, потому, что они были наиболее близки по возрасту, он всегда относился к ней доброжелательно. Он единственный сейчас удостоил Алису вниманием.

– Я знаю, вы служили утешением моему отцу, леди Перрерс, – сказал Томас. – Но теперь настало время для его общения с семьей.

Алиса заморгала и покорно кивнула, но, прежде чем она успела двинуться с места, заговорил Эдмунд Йорк.

– Он хочет сказать, что вам, девушка, следует убраться, – произнес он, не отрывая взгляда от отца. – Вон отсюда.

Алиса быстро вышла из комнаты, смахнув с лица слезы. На пороге она оглянулась и бросила взгляд на троих сыновей, стоявших над умирающим королем. Закрыв дверь, она разрыдалась и направилась во дворец Шин.

Оставшись одни, братья долго хранили молчание. Отец был для них единственной опорой в этом беспокойном, полном опасностей мире. Он просидел на престоле пятьдесят лет, и во времена его правления Англия превратилась в могучее и богатое королевство. Они не могли представить свое будущее без него.

– Может быть, нужно позвать священника? – неожиданно выпалил Эдмунд. – Недопустимо, чтобы отец провел последние минуты своей жизни в обществе шлюхи.

Он не заметил гримасы, мелькнувшей на лице его брата Джона. Эдмунд имел обыкновение выкрикивать слова, не умея или не желая говорить спокойно.

– Его можно будет позвать для совершения последних обрядов, – сказал Джон подчеркнуто спокойным тоном. – Он сейчас молится в маленькой комнате, мимо которой мы только что прошли.

Снова воцарилось молчание. Эдмунд переступил с ноги на ногу и вздохнул, наблюдая за тем, как вздымается и опадает грудь отца, и прислушиваясь к издаваемым им глухим хрипам.

– Я не вижу... – начал было он.

– Тише, брат, – мягко перебил его Джон. – Пожалуйста, *тише*. Он попросил надеть на себя доспехи и вложить в руку меч. Теперь уже скоро.

Джон в раздражении закрыл на мгновение глаза, в то время как его младший брат огляделся, отыскивал глазами кресло, со скрежетом подвинул его ближе к отцовской кровати и расположился в нем.

– В ногах правды нет, не так ли? – произнес он с самодовольным видом.

Положив руки на колени, Эдмунд бросил взгляд на отца. Когда он заговорил вновь, его голос утратил обычную пронзительность.

– Я никак не могу поверить в это. Он всегда был таким крепким.

Джон Гонт положил руку на плечо Эдмунда:

– Понимаю, брат. Я тоже его очень люблю.

Томас хмуро взглянул на них.

– Вы хотите, чтобы он испустил дух, слушая вашу пустую болтовню? – бросил он им резким тоном. – Молчите или молитесь. Либо одно, либо другое.

Джон кивнул и сжал плечо Эдмунда, почувствовав, что тот готов тут же возразить. К его облегчению, Эдмунд передумал и заговорил, чуть помедлив:

– Послушай, Джон, неужели ты никогда не думал о том, что между тобой и короной стоит всего лишь десятилетний ребенок? Если бы не милый мальчик Ричард, завтра ты стал бы королем.

Эта тирада вызвала гнев у остальных двух братьев, и они велели Эдмунду умолкнуть. Тот пожал плечами и стряхнул с себя руку Джона.

– Только не говори, что ты не думал об этом. Понятно, что дома Йорков и Глостеров не могут рассчитывать на престол, но ты, Джон? Ты находишься в шаге от того, чтобы стать помазанником Божьим. На твоём месте я поразмыслил бы над этим.

– Им должен был стать Эдуард, – возразил Томас. – Или Лайонел, если бы он тоже не умер. В настоящее время единственным законным наследником является сын Эдуарда Ричард, и больше не может быть никаких разговоров об этом. Господи, я не понимаю, Эдмунд, как ты можешь говорить такое, когда наш отец лежит на смертном одре? Что значит «в шаге от того, чтобы стать помазанником Божьим»? Угомонись, братец. Я больше не желаю тебя слушать. Существует закон о престолонаследии, и он определяет, кто должен стать королем.

Старый король открыл глаза и повернул голову. Братья заметили это движение, и язвительный ответ так и не сорвался с губ Эдмунда. Они одновременно склонились над стариком. Его лицо скривилось в улыбке, обнажившей желтые зубы.

– Приехали посмотреть, как я умираю? – спросил Эдуард.

Братья улыбнулись, радуясь этому проблеску жизни, и Джон почувствовал, как глаза наполнились слезами, затуманившими ему взор.

– Я спал, ребята. Мне снилось, будто я еду на лошади по зеленому полю.

Он говорил так тихо, что они едва слышали его. И тем не менее, глядя ему в глаза, они видели того самого человека, которого знали прежде. Он пристально смотрел на них.

– Где Эдуард? – спросил король. – Почему его нет с вами?

Джон вытер слезы:

– Он умер, отец. В прошлом году. Королем станет его сын Ричард.

– Ах, какая жалость! Я видел, как он сражался во Франции. Вы знаете?

– Я знаю, отец, – ответил Джон.

– Французские рыцари с криками бросились в атаку в том самом месте, где стоял Эдуард, пытаясь смять его. С ним было всего несколько человек. Бароны спрашивали меня, не хочу ли я послать рыцарей на подмогу ему, моему первенцу. Ему тогда было шестнадцать лет. Знаете, что я ответил им?

– Вы ответили «нет», отец, – прошептал Джон.

Старик разразился хриплым смехом:

– Я сказал «нет». Я сказал, что он должен заслужить свои шпоры. – Он устремил взгляд вверх, словно погрузившись в воспоминания. – И он выстоял! Он проложил себе путь мечом и пробился ко мне. Тогда я понял, что он будет королем. Я понял это. Он приедет?

– Он не приедет, отец. Его нет в живых. Королем будет его сын.

– Мне очень жаль. Я любил его, этого мальчика, этого храброго мальчика. Я любил его.

Дыхание короля быстро слабело и наконец прекратилось вовсе. В комнате воцарилась зловещая тишина, которую спустя некоторое время нарушили с трудом сдерживаемые рыдания Джона. Король Эдуард III умер, и осознание этого легло тяжким бременем на плечи братьев.

– Позовите священника, – сказал Джон. Он закрыл отцу глаза, в которых уже не было обычных огоньков.

Один за другим трое братьев склонились, чтобы поцеловать отца в лоб, в последний раз прикоснуться к его плоти. Когда явился священник, они вышли из комнаты – навстречу июньскому солнцу и своему будущему.

Часть первая

1443 год от Рождества Христова. Спустя шестьдесят шесть лет после смерти Эдуарда III

Горе тебе, земля, когда царь твой отрок...
Екклезиаст

Глава 1

Тот месяц выдался в Англии студеным. Петлявшие среди деревьев тропинки светились в темноте белизной покрывавшего их льда. Часовые, несшие караул на парапетных стенах с бойницами, ежились и тряслись от холода. В самых верхних помещениях среди камней свистел и стонал ветер. Судя по тому, какое тепло давал горевший в зале очаг, он мог вполне быть нарисован на стене.

– Я помню принца Хэла¹, Уильям! Я помню Льва! Еще каких-нибудь десять лет, и вся остальная Франция лежала бы у его ног. Генрих Монмут был моим королем, и никто иной. Видит Бог, я последую за его сыном², но этот мальчик не выдерживает никакого сравнения с отцом. Тебе известно это. Вместо английского Льва нас ведет за собой с молитвой белокурый агнец. Господи, это вызывает у меня слезы.

– Дерри, прошу тебя! Ты увлекаешься. И я не желаю слушать твое богохульство. Я не допускаю этого среди моих людей и надеюсь, что ты будешь более воздержан.

Тот из мужчин, что был младше, остановился и поднял голову. Его глаза сверкнули холодным блеском. Сделав два быстрых шага, он вплотную приблизился к собеседнику и застыл на месте, слегка согнув руки в локтях. Он был на голову ниже лорда Саффолка, но отличался мощным телосложением. Чувствовалось, что кипевшие в нем ярость и сила готовы вырваться наружу.

– Клянусь, мне никогда не хотелось так ударить тебя, Уильям, как сейчас, – сказал он. – Те, что слышат нас, это *мои* люди. Уж не думаешь ли ты, будто я пытаюсь заманить тебя в ловушку? Пускай слушают. Им прекрасно известно, что я сделаю с ними, повтори они хоть слово.

Он слегка ткнул тяжелым кулаком Саффолку в плечо и, увидев, что тот насупился, весело рассмеялся:

– Богохульство? Всю свою жизнь ты был солдатом, Уильям, а рассуждаешь, как мягкотелый поп. Я мог бы положить тебя на лопатки, Уильям. В этом заключается разница между нами. Ты неплохо сражаешься, когда тебе приказывают, а я сражаюсь потому, что мне это нравится. Именно поэтому мне сопутствует удача, Уильям. Именно поэтому я нахожу самое подходящее место и вонзаю в него нож. Нам не нужны благочестивые *джентльмены*, Уильям, для такого дела. Нам нужен человек, подобный мне. Человек, способный распознавать слабость и не боящийся выжигать ее каленым железом.

¹ Генрих V (1387–1422) – король Англии с 1413 года, из династии Ланкастеров, один из величайших полководцев Столетней войны.

² Генрих VI (1422–1471) – третий, и последний, король Англии из династии Ланкастеров, единственный наследник Генриха V. Был возведен на трон в возрасте восьми месяцев. Это единственный из английских королей, носивших во время Столетней войны и после нее титул «король Франции», кто реально был коронован (1431 год) и царствовал на значительной части Франции.

Лорд Саффолк нахмурился и тяжело вздохнул. Когда начальник тайной службы короля был в ударе, он нередко перемежал самые грубые оскорбления самыми лестными комплиментами. Если человек позволяет себе обижаться, подумал Саффолк, он никогда ничего не добьется. Он подозревал, что Деррихью Брюеру хорошо известны пределы его терпения.

– Возможно, «джентльмен» нам и не нужен, но нам точно нужен лорд, способный вести переговоры с французами. Ты писал *мне* об этом, помнишь? Я оставил свои дела в Орлеане и пересек пролив, чтобы выслушать тебя. Поэтому я был бы благодарен тебе, если бы ты поделился своими планами. В противном случае мне не остается ничего иного, кроме как вернуться на побережье.

– Ну конечно. Я отвечу моему замечательному благородному другу на его вопросы, дабы он мог стяжать себе всю славу. Чтобы потом сказали: этот Уильям Поль, этот граф Саффолк, парень что надо. А о Дерри Брюере никто и не вспомнит.

– Уильям *де ла* Поль, Дерри, как тебе должно быть хорошо известно.

В ответ Дерри прорычал, стиснув зубы:

– Еще бы! Ты считаешь, сейчас подходящее время для того, чтобы носить звучное имя на французский манер? Я думал, ты умнее. Понимаешь, Уильям, я сделаю это, так или иначе, поскольку мне безразлично, что станет с этим маленьким агнцем, который правит нами. И я не желаю видеть, как мою страну раздирают на части тупицы и самоуверенные ублюдки. У меня есть одна идея, которая вряд ли тебе понравится. Мне просто нужно удостовериться, что ты понимаешь, каковы ставки в этой игре.

– Я понимаю, – сказал Саффолк.

В его серых глазах появился жесткий, холодный блеск.

Дерри мрачно усмехнулся, обнажив зубы, белее которых Саффолку, насколько он помнил, прежде не доводилось видеть у взрослых людей.

– Нет, не понимаешь, – возразил он. – Вся страна ждет, когда юный Генрих станет хотя бы наполовину таким же, каким был его отец, чтобы завершить славную работу, в результате которой завоено пол-Франции, а их драгоценный принц-дофин бежал, словно маленькая девочка. Они *ждут*, Уильям. Королю двадцать два года, и в этом возрасте его отец был *достойным* воином. Ты помнишь? Старик Генрих вырывал у них легкие и наматывал на руки, словно перчатки, чтобы согреть их. Агнец этого никогда не сделает. Агнец не умеет вести людей за собой и не умеет сражаться. У него даже не растет борода, Уильям! Когда они поймут, что из него *никогда* ничего не получится, нам конец, ты понимаешь? Когда французы перестанут трястись от страха перед королем Генрихом, кровавым английским Львом, все будет кончено. Наше дело будет проиграно. Через год или два французская армия, словно рой ос, займет Лондон. Пройдет волна грабежей и насилия, а потом мы будем снимать шляпы и кланяться, едва заслышав французскую речь. Ты желаешь такой судьбы для своих дочерей, Уильям? Для своих сыновей? Таковы ставки, Уильям *Английский* Поль.

– Тогда скажи мне, каким образом мы сможем склонить их к перемирию, – медленно произнес Саффолк, чеканя каждое слово.

Уильяму Полю минуло сорок шесть лет. Это был крупный мужчина с копной пепельных с проседью волос, ниспадавших почти до плеч. Под бременем прожитых лет он ощущал себя рядом с Дерри стариком. У него почти ежедневно ныло плечо, одна нога была настолько сильно рассечена несколько лет назад, что ее мышцы так до конца и не зажили. Он хромал в зимнее время, и сейчас, стоя в холодной комнате, чувствовал, как от пальцев поднимается вверх боль. Его терпение подходило к концу.

– Вот что сказал мне мальчик: «Добейтесь перемирия, Дерри. Добейтесь мира». *Добейтесь мира*, когда мы могли бы одержать полную победу за одну удачную кампанию. У меня чуть не вывернуло желудок – а его отец, должно быть, перевернулся в гробу. Я провел в архивах больше времени, чем можно требовать от живого человека из плоти и крови. Но я нашел

то, что искал, Уильям Поль. Я нашел то, что не смогут отвергнуть французы. Ты отвезешь им это, и они будут не в состоянии воспротивиться. Он получит свое перемирие.

– И ты поделишься со мной этим откровением? – спросил Саффолк, с трудом сдерживая ярость.

Однако торопить Дерри не имело смысла. По всей очевидности, главному шпиону нравилось раззадоривать графа. Саффолк решил не доставлять ему такого удовольствия и постарался ничем не выдать своего нетерпения. Он пересек комнату, налил из кувшина воды в кубок и несколькими быстрыми глотками осушил его.

– Наш Генрих хочет жениться, – сказал в ответ Дерри. – Но скорее замерзнет ад, чем они дадут ему принцессу крови, как отцу. Такие свадьбы выходят им слишком дорого. Во Франции и так уже два монарха, если считать Карла³, которого они считают королем. Он хочет выдать своих дочерей за французов, так что я не доставлю ему удовольствия указать нам на дверь. Но существует другой дом, Уильям, – Анжуйский. Этот герцог имеет подкрепленные документами претензии на Неаполь, Сицилию и Иерусалим. Старик Рене называет себя королем и за последние десять лет разорил собственную семью, пытаясь отстоять свои права. Он выплатил в качестве выкупов больше денег, чем ты или я когда-либо видели, Уильям. И у него есть две дочери. Одна еще не обручена, и ей тринадцать лет.

Саффолк покачал головой, вновь наполняя кубок водой. Он дал клятву не пить ни вина, ни пива, но сейчас охотно нарушил бы ее.

– Я *знаю* герцога Рене Анжуйского, – сказал он. – Он ненавидит англичан. Его мать дружила с этой девушкой, Жанной д'Арк, – а как ты помнишь, Дерри, мы сожгли ее.

– Да, это так, – согласился Дерри. – Ты был там и видел ее. Эта маленькая сука состояла в союзе с кем-то, пусть даже он и не был самым дьяволом. Нет, ты не понимаешь, Уильям. Рене имеет влияние на своего короля. Этот французский индюк обязан Рене Анжуйскому своей короной, да и вообще *всем*. Разве не мать Рене дала ему приют, когда он бежал, подобрав платье? Разве не она послала малютку Жанну д'Арк в Орлеан, чтобы та пристыдила их и заставила начать наступление? Эта семья сделала все, чтобы французы удержали в своих руках Францию – или, по крайней мере, ее задницу. Анжу – ключ к замку, Уильям. Французский король женат на сестре Рене, вот так! Эта семья способна оказывать давление на своего крошку-короля – и у них имеется незамужняя дочь. Это влиятельные люди, *говорю* тебе. Я видел всех их, Уильям, каждого французского «лорда» с тремя свиньями и двумя слугами. Маргарита Анжуйская – настоящая принцесса, ее отец разорился, чтобы доказать это.

Саффолк вздохнул. Было уже поздно, и он сильно устал.

– Дерри, это не выход, даже если твои слова соответствуют истине. Я помню, как он жаловался мне, что английские солдаты насмеялись над его рыцарским орденом. И выглядел при этом чрезвычайно оскорбленным.

– Ему просто не нужно было называть его Орденом Рогалика⁴, как ты думаешь?

– Это название ничуть не более странное, чем Орден Подвязки, разве нет? Как бы то ни было, Дерри, Рене не отдаст нам свою дочь, и уж наверняка не отдаст ее в обмен на перемирие. Он мог бы получить за нее состояние, если все так плохо, как ты говоришь, но перемирие? Они не дураки, Дерри. Мы уже в течение десяти лет не предпринимали кампаний, и с каждым годом нам все труднее удерживать завоеванные земли. Они держат в Англии посла, и, я уверен, он рассказывает им все, что видит здесь.

³ *Карл VII Победитель* (1403–1461) – король Франции из династии Валуа. Карл потерпел сокрушительное поражение в битве с Генрихом V и уехал на юг Франции, в Бурж. В 1422 году после смерти Генриха V и своего отца Карл провозгласил себя королем, однако официально короновался лишь в 1429 году при поддержке Жанны д'Арк.

⁴ Орден Полумесяца (*Ordre du Croissant*), созданный Карлом I Анжуйским в 1268 году и возрожденный Рене Добрым (1409–1480). Для англичан название звучало как Орден Круассана.

– Он рассказывает им только то, что я позволяю ему видеть, можешь не беспокоиться об *этом*. Этот напояженный мальчик целиком и полностью у меня в руках. Но я еще не сказал тебе, что мы собираемся предложить старому Рене, после чего он будет из кожи лезть, умоляя своего монарха принять наши условия. Он беден как церковная мышь – и отчасти потому, что не получает ренту со своих родовых земель. А почему? Да потому, что *мы* владеем ими. Ему принадлежат два старых заброшенных замка в лучших сельскохозяйственных угодьях Франции, которые обрабатывают для него добрые англичане и солдаты. Мэн и весь Анжу, Уильям. Это заставит его быть более уступчивым. Это принесет нам перемирие. Десять лет? Мы потребуем двадцать и вдобавок принцессу. А Рене, как я уже сказал, имеет влияние на короля. Пожирателям улиток придется сказать «да».

Саффолк в разочаровании потер рукой глаза. Он явственно ощутил во рту вкус вина, хотя не пил хмельного уже больше года.

– Это безумие. Ты хочешь, чтобы я отдал четверть наших земель во Франции?

– Думаешь, мне это нравится, Уильям? – раздраженно спросил Дерри. – Думаешь, я не потел несколько месяцев, пытаясь найти лучший путь? Король сказал: «Добейтесь перемирия, Дерри», и добиться его можно только таким образом. Поверь мне, если бы существовал другой способ, я бы уже нашел его. Если бы он мог использовать меч своего отца – господи, если бы он мог хотя бы поднять его! – я не завел бы сейчас этот разговор. Мы с тобой опять вступили бы в сражение и под звуки труб опять обратили бы французов в бегство. Но если он не может – а он *не может*, Уильям, ты его видел, – это единственный путь к миру. Кроме того, мы найдем ему жену, чтобы скрыть все остальное.

– Ты сказал об этом королю? – спросил Саффолк, заранее зная ответ.

– Если бы я сказал, он согласился бы, не так ли? – В голосе Дерри послышалась горечь. – «Вам виднее, Дерри», «Если вы так считаете, Дерри». Тебе известно, что он собой представляет. Я мог добиться от него согласия на что угодно. Беда в том, что этого мог бы добиться от него любой другой. Он слаб, Уильям. Нам остается лишь найти ему жену и ждать сильного сына. – Он заметил выражение сомнения на лице Саффолка и ухмыльнулся. – Вспомни Эдуарда. Молот проклятых шотландцев имел слабого сына, зато какой у него был внук! Хотел бы я видеть такого короля! Нет, я *видел* такого короля. Я видел Генри, Льва Азенкура, и, возможно, это предел мечтаний для любого мужчины. Но пока мы ждем подходящего монарха, нам необходимо перемирие. Безбородый мальчик больше ни на что не способен.

– Ты видел хотя бы портрет этой принцессы? – спросил Саффолк, глядя в пространство. Дерри презрительно рассмеялся:

– Маргариты? Ты любишь молоденьких, а? И ведь ты женатый человек, Уильям Поль! Да какая разница, как она выглядит? Ей почти четырнадцать, она девственница, чего еще нужно? Все ее тело может быть покрыто бородавками и родинками, но Генрих скажет: «Если вы считаете, что мне следует жениться на ней, Дерри...» – и дело будет сделано.

Дерри приблизился к Саффолку, отметив про себя, что тот сейчас казался ростом ниже, чем когда входил в комнату.

– Тебя знают во Франции, Уильям. Французы знали твоего отца и брата – и им известно, что твоя семья полностью расплатилась по своим долгам. Они послушают тебя, когда ты предложишь им это. Мы продолжаем владеть севером и всем побережьем. Нам все еще принадлежат Кале, Нормандия, Пикардия, Бретань – и Париж от нас не так далеко. Если бы мы могли удержать все это, а также Мэн и Анжу, я бы поднял знамена и отправился в поход вместе с тобой. Но мы не можем.

– Мне нужно услышать это от короля, прежде чем я поеду обратно, – сказал Саффолк, холодно взглянув на собеседника. В его глазах было нечто такое, что заставило Дерри отвести взгляд в сторону.

– Хорошо, Уильям. Я понимаю. Но ты знаешь... нет, все в порядке. Ты найдешь его в часовне. Возможно, он сейчас молится. Я не знаю. Но ты увидишь, он согласится с моим планом. Он всегда соглашается.

Двое мужчин брели во тьме при свете звезд по замерзшей, хрустящей траве в направлении Виндзорской часовни, посвященной Благословенной Деве, Эдуарду Исповеднику и святому Георгию. Из рта у них вырывались белые прозрачные облачка. Брюер кивнул часовым, несшим караул у наружных дверей, и вошел в освещенный свечами притвор, где было почти так же холодно, как и на улице.

Сначала помещение часовни показалось Саффолку пустым, но спустя несколько мгновений он заметил людей, стоявших среди статуй. Одетые в темные облачения, они были почти невидимы, пока не пришли в движение. Звуки их шагов по каменным плитам отдавались в тишине гулким эхом, пока они шли навстречу вновь прибывшим. Дерри подождал, когда его узнают, после чего двинулся вдоль нефа, высматривая знакомую фигуру, уединившуюся в молитве.

Голова монарха возвышалась над алтарем из резного позолоченного дерева. Свисавшие с потолка тусклые светильники отбрасывали бронзовые блики на лицо, излучавшее религиозный экстаз. Генрих стоял на коленях, вытянув перед собой сцепленные руки. Его глаза были закрыты. Дерри перевел дух. Некоторое время они с Саффолком стояли и ждали, глядя на залитое золотистым светом лицо короля, резко контрастировавшее с окружающим полумраком. Он напоминал ангела, но у них обоих было тяжело на сердце оттого, что король выглядит столь юным и слабым. Говорили, что его появление на свет стало настоящим испытанием для матери-француженки. Она чудом осталась в живых, а мальчик родился синим и дышал с большим трудом. Спустя девять месяцев умер его отец – глупо, от болезни, после того как выжил во множестве сражений. Некоторые называли благом то, что королю-воину не было суждено увидеть своего сына взрослым.

Брюер и Саффолк обменялись взглядом, поняв друг друга без слов.

– Это может продолжаться часами, – прошептал Дерри своему спутнику на ухо. – Тебе придется прервать его, или мы пробудем здесь до утра.

В ответ Саффолк кашлянул, и произведенный им звук, оказавшийся значительно более громким, нежели он рассчитывал, отозвался эхом в погруженном в тишину помещении часовни. Глаза короля медленно открылись, как будто он возвращался из далекого путешествия. Так же медленно повернув голову, Генрих увидел двух мужчин, стоявших в почтительном ожидании. Несколько раз моргнув, он улыбнулся, осенил себя крестом, пробормотал последние строки молитвы и поднялся на затекшие от многочасового стояния ноги.

Закрыв на засов дверцы своего придела, король спустился по ступенькам и приблизился к ним. В падавшем сверху тусклом свете они отчетливо видели его лицо.

Они одновременно преклонили колени, и Саффолку это далось с немалым трудом. Генрих издал смешок над их склоненными головами.

– Чрезвычайно рад вас видеть, лорд Саффолк. Встаньте же. Каменный пол слишком холоден для пожилых людей. Я слышал, как на холод жаловалась моя горничная, считая, что меня нет поблизости. А она, думаю, моложе вас. Поднимайтесь, поднимайтесь оба, пока не подхватили простуду.

Поднявшись на ноги, Дерри зажег лампу, которую принес с собой. В часовне стало светлее. Король был одет в самые простые одежды из грубой шерсти темного цвета и обут в тупоносые кожаные башмаки, подобно обычному горожанину. Он не носил золотых украшений и мог бы вполне сойти за подмастерье в каком-нибудь ремесле, не требовавшем большой физической силы.

Саффолк пытался отыскать в чертах его лица какое-либо сходство с отцом, но глаза юноши смотрели совершенно бесхитростно, а телосложением он и вовсе не напоминал своих могучих предков. Саффолк не сразу заметил бинты на руках Генриха. Тот перехватил его взгляд и поднял руки, слегка покраснев.

– Следствие упражнений с мечом, лорд Саффолк. Старик Марсден говорит, ладони закалятся и затвердеют, но они все кровоточат и кровоточат. Одно время я думал... – Он осекся, поднес перевязанный палец ко рту и слегка постучал им по губам. – Но вы ведь приехали из Франции не для того, чтобы рассматривать мои руки. Не так ли?

– Нет, ваше величество, – ответил Саффолк. – Я приехал совсем ненадолго. Вы можете уделить мне минуту вашего времени? Мы беседовали с господином Брюером о будущем.

– От Дерри не дождешься пива! – сказал Генрих. – Господин Брюер⁵, и без пива!

Это была старая, избитая шутка, но Дерри и Саффолк вежливо рассмеялись. Генрих довольно улыбнулся.

– Говоря по правде, я не могу покинуть это место. Мне разрешается делать перерыв каждый час, чтобы попить воды, но потом я должен возвращаться к молитвам. Кардинал Бофорт открыл мне секрет, и это бремя не кажется мне слишком тяжким.

– Секрет, ваше величество?

– Что французы не смогут вторгнуться в Англию, пока король молится, лорд Саффолк! Даже со своими перевязанными руками я удерживаю их. Разве это не чудо?

Саффолк воспользовался непродолжительной паузой, чтобы мысленно проклясть двоюродного деда юноши за его глупость. Не было абсолютно никакого смысла в том, чтобы Генрих торчал ночи напролет в этой часовне. Сам кардинал Бофорт сейчас наверняка спал где-нибудь поблизости. Саффолк решил разыскать его, разбудить и заставить молиться вместе с юношей. В конце концов, молитва кардинала украсила бы и подкрепила молитву короля.

Дерри внимательно слушал разговор, кивая время от времени.

– Я отошлю людей, лорд Саффолк. С вашего разрешения, ваше величество. Это важный вопрос, и никто не должен услышать ни слова.

Генрих жестом показал ему, что он может действовать, в то время как Саффолк улыбнулся официальной его тона. В присутствии короля Дерри утратил присущую ему дерзкую и пренебрежительную манеру высказываться. Даже он не смел богохульствовать в этой часовне.

Король, казалось, не обратил внимания на то, что Дерри вывел полдюжины людей из часовни в морозную ночь. Саффолк был достаточно циничен, чтобы предположить, что один или двое из них остались в каком-нибудь темном алькове, но Дерри знал своих людей. По всей видимости, Генрих начинал терять терпение. Его взгляд скользнул по приделу, в котором он молился.

Саффолк почувствовал прилив нежности к молодому человеку. Он рос на его глазах, и страна возлагала на него все свои надежды. Граф был свидетелем того, как эти надежды постепенно сменялись разочарованием. Он мог только догадываться, как нелегко приходилось этому мальчику. Генрих был неглуп, несмотря на все его странности. Какие только колкости не отпускали в его адрес за эти годы!

– Ваше величество, господин Брюер составил план переговоров относительно вашей женитьбы и заключения перемирия в обмен на две провинции во Франции. Он считает, что французы согласятся на перемирие, если мы отдадим им Мэн и Анжу.

– Женитьба? – переспросил Генрих в недоумении.

– Да, ваше величество, поскольку одна весьма достойная семья имеет дочь на выданье. Я хотел... – Саффолк замялся. Он не осмеливался спросить, понимает ли король, о чем идет речь. – Ваше величество, и в Мэне, и в Анжу проживают английские подданные. Они будут

⁵ В переводе с английского brewer – пивовар.

изгнаны, если мы оставим их на произвол судьбы. Я хотел спросить, не слишком ли это большая цена за перемирие.

– Перемирие нам необходимо, лорд Саффолк. Так говорит мой двоюродный дед, кардинал Бофорт. Господин Брюер согласен с ним – хотя у него нет пива! Расскажите мне о невесте. У вас есть ее портрет?

Саффолк на мгновение закрыл глаза.

– Я обязательно раздобуду его, ваше величество. Теперь что касается перемирия. Мэн и Анжу составляют южную часть наших владений во Франции. Вместе они занимают площадь, равную *Уэльсу*, ваше величество. Если мы отдадим эти земли...

– Как зовут эту девушку? Я ведь не могу называть ее «девушка» или «невеста», как вы считаете, лорд Саффолк?

– Нет, ваше величество. Ее зовут Маргарита. Маргарита Анжуйская.

– Когда вы вернетесь во Францию, лорд Саффолк, познакомьтесь с ней, а потом расскажете мне. Я хочу знать о ней все.

Саффолк постарался скрыть разочарование.

– Ваше величество, я правильно понял, вы готовы отдать земли во Франции в обмен на мир?

К его удивлению, король приблизился к нему. Его голубые глаза блестели.

– Нам необходимо перемирие, лорд Саффолк. Осуществление моих желаний зависит от вас. Привезите мне ее портрет.

В этот момент к ним присоединился Дерри. Его лицо ничего не выражало.

– Я думаю, его величество хотел бы сейчас вернуться к своим молитвам, лорд Саффолк.

– Да, действительно, – сказал Генрих и поднял перебинтованную руку в знак прощания. Саффолк заметил темно-красное пятно в центре ладони.

Они поклонились юному королю Англии, в то время как он вернулся в своей придел, вновь преклонил колени, медленно закрыл глаза и вытянул вперед сцепленные вместе руки.

Глава 2

Маргарита задохнулась от неожиданности и вскрикнула, когда бегущая женщина столкнулась с ней, и они обе растянулись на земле. Сквозь затуманившую глаза пелену она увидела перед собой туго стянутые каштановые волосы и ощутила запах здорового пота. Медный горшок ударился о брусчатку двора с таким оглушительным грохотом, что эхо отдалось у нее в ушах. Служанка попыталась поймать его, но он, подпрыгивая, укатился прочь.

Сердито посмотрев на Маргариту, она собралась было выругаться, но, когда увидела изысканное красное платье с развевающимися белыми рукавами, кровь отхлынула от ее лица, лишив его румянца от кухонного жара. Маргарита бросила взгляд на дорожку, лихорадочно соображая, сможет ли она быстро скрыться из вида. При таком количестве незнакомых лиц в замке у нее еще был шанс, что девушка потом не узнает ее.

Тяжело вздохнув, служанка вытерла ладони о фартук. Кухарка предупреждала ее по поводу братьев и отца, но про младшую дочь она сказала, что это милая маленькая девочка. Она протянула Маргарите руку, чтобы помочь ей подняться на ноги.

– Мне очень жаль, моя дорогая, что так случилось. Мне не следовало так быстро бежать, но сегодня у нас настоящее столпотворение. Вы не ушиблись?

– Кажется, нет, – неуверенно ответила Маргарита. У нее болел бок, и, похоже, она оцарапала локоть.

Молодая женщина стояла, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, явно желая уйти. Маргарита улыбнулась ей, глядя на капли пота, выступившие на ее лице.

– Меня зовут Маргарита, – сказала она, вспомнив, чему ее учили. – Могу я узнать ваше имя?

– Симона, моя госпожа. Но мне нужно возвращаться на кухню. Мы готовимся к приезду короля, и нам предстоит еще много работы.

Маргарита заметила ручку горшка, лежавшего у аккуратно простриженной живой изгороди возле ее ног, и подняла его. К ее удовольствию, женщина сделала реверанс, принимая горшок. Они обменялись улыбками, после чего служанка удалилась почти с такой же скоростью, с какой появилась. Оставшись в одиночестве, Маргарита смотрела ей вслед. Такого оживления в замке Сомюр не было уже много лет. Где-то рядом послышался низкий голос ее отца. Она была уверена, что если он ее увидит, то непременно заставит что-нибудь делать, и поэтому поспешила скрыться в противоположном направлении.

Первое время она не могла привыкнуть к присутствию дома отца. Из ее тринадцати лет одиннадцать он провел в военных походах. Мать постоянно говорила о его доблести и храбрости, но Маргарита видела, как на стенах из желтоватого гипса появлялось все больше пустых проемов по мере того, как вывозились и распродавались картины и статуи. Со временем пришла очередь драгоценностей, и она хорошо помнила болезненное выражение на лице матери, когда приехавшие из Парижа люди рассматривали их в маленькие трубки, одобритительно кивали и отдавали за них золотые монеты. С каждым годом запас предметов роскоши в Сомюре таял, и в конце концов наступил момент, когда остались лишь одни голые стены. К тому времени Маргарита уже ненавидела своего отца, совсем его не зная. Даже слуг увольняли одного за другим, и многие помещения замка стояли пустыми, постепенно зарастая синеватой плесенью.

Она задумалась, удастся ли ей подняться незамеченной в восточное крыло замка. В одной из комнат башни свободно разгуливали мыши, устроившие себе жилища в старых диванах и креслах. Карманы ее платья были наполнены хлебными крошками, призванными служить приманкой, и она могла провести там целый вечер. Эта комната стала ее убежищем, секретным местом, о котором не знал никто, даже ее сестра Иоланда.

Когда однажды Маргарита увидела людей из Парижа в замечательной отцовской библиотеке, она прокралась туда ночью и перенесла в комнату в башне столько книг, сколько смогла унести. Она не испытывала ни малейших угрызений совести, даже когда слышала раздававшееся по всему дому эхо криков вернувшегося отца, отдававшего какие-то распоряжения. Он был здесь чужим, как бы ни раболепствовала перед ним ее мать. Маргарита не знала, что такое выкуп и почему они должны его платить, но бережно хранила спасенные из библиотеки книги, даже ту, которую слегка погрызли мыши.

Внутреннее пространство Сомюра представляло собой лабиринт лестниц и коридоров, в котором посторонний мог легко заблудиться. Однако, сколько она себя помнила, это был ее мир. Маргарита знала здесь каждый уголок и закоулок. Потерев поцарапанный локоть, она проскользнула в дом, быстро пересекла коридор и вошла в просторную пустую комнату, стены которой были отделаны панелями из дуба. Если бы мать увидела ее бегущей, то наверняка не одобрила бы этого. Маргарите почудился звук ее шагов. Едва успев испугаться, она вспомнила, что страх перед матерью остался в далеком прошлом, вместе с другими детскими страхами.

Стремительно преодолев два пролета деревянной лестницы, она оказалась на лестничной площадке, откуда по коридору можно было попасть в восточную башню. Старые доски пола давно покоробились и отстали от балок перекрытия. Вечерами напролет Маргарита расхаживала по ним, выписывая причудливые фигуры, и прислушивалась к издаваемому ими скрипу. Из-за него она называла эту комнату «вороньей».

Тяжело дыша, она остановилась, подошла к перилам и окинула взглядом банкетный зал, как делала это всегда. Ее охватывало странное чувство, когда она смотрела сверху на просторное помещение, находясь на уровне канделябров, из которых торчали желтые свечи. Интересно, подумала она, кто будет зажигать их сейчас, когда придет король, ведь слуг, которые обычно занимались этим, уже давно уволили. Наверное, новые слуги, которых он нанял совсем недавно, после того, как ему удалось раздобыть где-то золото. Замок просто кишел ими, словно восточная башня мышами. Они сновали всюду, выполняя какие-то неведомые поручения, и были совершенно незнакомы ей.

Проходя через пустую холодную библиотеку, она невольно поежилась. Иоланда говорила, что в богатых домах библиотека обычно располагается на первом этаже, но, даже когда они еще были богаты, отца мало заботили книги. Тяжелые полки были покрыты толстым слоем пыли, и она, немного задержавшись, нарисовала пальцем на одной из них человеческое лицо, после чего двинулась дальше. Выглянув из окна библиотеки во двор, она нахмурилась при виде братьев, упражнявшихся в обращении с мечом. Жан со смехом колотил маленького Луи по коленям. Оглядевшись и удостоверившись в том, что ее никто не видит, Маргарита принялась грозить брату пальцем и ругаться, призывая Бога наказать его и желая, чтобы у него выступила сыпь в интимном месте. Это никак не повлияло на поведение Жана, но Луи в любом случае заслуживал наказания – хотя бы за то, что тем утром больно ущипнул ее.

К ее ужасу, Жан неожиданно поднял голову и встретился с ней взглядом. Он испустил истошный крик, который она слышала даже сквозь стекла. Маргарита похолодела. Братья любили гоняться за ней по коридорам и комнатам замка, приставляя сложенные ладони ко рту и имитируя звуки охотничьего рожка. Может быть, они слишком заняты, готовясь к прибытию короля? У нее упало сердце, когда она увидела, что Жан сорвался с места, остальные последовали за ним и вся троица скрылась из виду. Теперь в секретную комнату идти было нельзя. Братья еще не обнаружили ее, но, поднявшись в библиотеку, они обыщут всю эту часть замка. Было необходимо увести их куда-нибудь подальше отсюда.

Она бросилась бежать, высоко задрав юбку и бормоча проклятия с упоминанием сыпи в интимном месте. В последний раз они загнали ее в один из больших кухонных котлов и грозились зажечь огонь.

– Маман! – исступленно завизжала Маргарита. – Мама-а-ан!

Со всей скоростью, на какую только была способна, она сбежала по лестнице, почти не касаясь ступенек, с вытянутыми вперед руками, и бросилась по коридору в сторону материнских покоев. Изумленная служанка, державшая в руках ведро и швабру, едва успела отскочить в сторону, когда Маргарита пулей промчалась мимо. С нижнего этажа до ее слуха донеслось улюлюканье братьев, но она, не останавливаясь, пролетела три ступеньки вниз, затем взмыла на три ступеньки вверх – выдумка древнего строителя замка, не имевшая какого-либо практического назначения и смысла. Задыхаясь, она вбежала в гардеробную матери, увидела громоздкий шкаф, не раздумывая, распахнула дверцу и спряталась в его обширной утробе, найдя успокоение в запахе материнских благовоний и прикосновении.

Наступила тишина, хотя Маргарита все еще слышала, как где-то в отдалении Жан выкрикивает ее имя. Она изо всех сил старалась не раскашляться от поднятой ею пыли. Услышав скрип открывшейся двери, а затем звук шагов, она замерла, словно статуя, не смея пошевелиться. Жан вполне мог послать маленького Луи искать сестру в другом месте, чтобы самому притаиться и дожидаться, когда она решит, что находится в безопасности, и выдаст себя. Маргарита задержала дыхание и закрыла глаза. По крайней мере, в гардеробе было тепло, и они наверняка не осмелятся искать ее в комнатах матери.

Звуки шагов приблизились, и дверца внезапно распахнулась. В потоке хлынувшего внутрь дневного света Маргарита, зажмурившись, увидела отца.

– Что ты здесь делаешь, девочка? – резко спросил он. – Разве тебе не известно, что приезжает король? Если у тебя находится время для игр, значит у тебя *слишком много* времени.

– Да, мсье, прошу прощения. За мной гнался Жан, и я...

– Мне безразлично, чем ты занималась. Не трогай своими грязными руками платья матери. Ты только посмотри! Маргарита, ты уже не ребенок. Видишь, какие следы на них остались?

С опущенной головой Маргарита вылезла из гардероба и аккуратно закрыла дверцу. Она действительно испачкала ладони, когда сбежала по лестницам, хватаясь за грязные перила. В ее душе зрело негодование. Лорд Рене, возможно, ей и отец, но она его не помнила. Совершенно. Он явился в их дом, похожий на огромного белесого слизняка, и командовал ее матерью, словно служанкой. Его лицо покрывала неестественная бледность – видимо, от многолетнего пребывания в тюрьме. На нее яростно взирали маленькие черные глазки, наполовину скрытые тяжелыми нижними веками, из-за чего ему приходилось постоянно держать голову слегка откинутой назад, дабы он мог видеть окружающий мир. В тюрьме он явно не голодал, подумала Маргарита. Он жаловался жене на непомерную цену, которую заломил портной за его одежду, и в конце концов довел ее до слез.

– Если бы у меня была свободная минута, я бы приказал тебя выпороть, Маргарита. Все эти платья необходимо отчистить!

Он еще некоторое время кричал, размахивая руками, тогда как Маргарита стояла с опущенной головой, старательно изображая раскаяние. В доме было достаточно слуг для того, чтобы отскоблить каждый камень и отполировать каждую панель из превосходного французского дуба. Кто был виноват в том, что все в доме покрыто толстым слоем пыли, если не этот человек, разоривший Сомюр ради своего тщеславия? Маргарита слышала, как он сетовал в разговоре с ее матерью на состояние замка. Но Сомюр слишком велик, чтобы его можно было поддерживать в порядке без армии слуг.

Слушая ругань отца, Маргарита послушно кивала головой. Он называл себя королем Иерусалима, Неаполя и Сицилии, которых она никогда не видела. Стало быть, она являлась принцессой, но у нее не было уверенности в этом. В конце концов, он не сумел завоевать ни одну из этих земель, а документы, обосновывавшие его претензии, были абсолютно бесполезны. Ему оставалось лишь исходить злобой и писать возмущенные письма. Она ненавидела его. При воспоминании о недавнем разговоре с матерью ее лицо залила краска. Маргарита

прямо спросила ее, почему бы ему опять куда-нибудь не уехать. В ответ мать поджала губы и заговорила с ней непривычно резко, как не говорила никогда прежде.

Почувствовав, что тирада отца подходит к концу, Маргарита отогнала воспоминания прочь.

– Да, мсье, – в очередной раз смиренно произнесла она, кивнув головой.

– Что? – спросил герцог, повысив голос. – Что ты имеешь в виду, повторяя «да, мсье»?

Ты вообще слушаешь меня?

На его бледных щеках проступили красные пятна.

– Убирайся! – рявкнул он. – Чтобы я не видел тебя до тех пор, пока ты мне не понадобишься! Понятно? У меня есть более важные дела, нежели учить тебя манерам, которых тебе явно недостает. Носится по всему дому, словно безумная! Когда король уедет, я придумаю для тебя наказание, которое ты долго будешь помнить. А теперь вон отсюда!

Дрожа всем телом, с залитым краской лицом, Маргарита удалилась. В коридоре ей встретился брат Луи, и она впервые увидела на его лице сочувствие.

– Жан ищет тебя в большом зале, – пробормотал он. – Если хочешь избежать встречи с ним, иди кругом, через кухню.

Маргарита кивнула. Луи считал себя умным, но она хорошо знала его. Жан поджидал ее в кухне или где-то поблизости от нее, это было очевидно. Они не смогут затолкать ее в котел, поскольку в кухне полно людей, готовящих еду к приезду короля, но брат, вне всякого сомнения, придумал для нее что-нибудь не менее подлое. Исполненная достоинства, Маргарита не бежала, а шла, борясь с непонятно почему появившимися слезами. Ее ничуть не волновало, что она вызвала гнев отца. С какой стати? Она решила отыскать мать среди этой всеобщей суеты. Откуда взялись все эти слуги? Деньги у них давно кончились, и продавать больше было нечего.

К вечеру ее братья прекратили охоту и отправились одеваться для участия в пире. Людей в Сомюре прибавилось, когда в замок прибыл авангард свиты короля Карла. Наряду с кухарками, нанятыми в благородных домах и соседних деревнях, в кухне появились шеф-повара, контролировавшие все стадии приготовления праздничных блюд, а в жилых помещениях – полдюжины людей в черных одеждах, осмотревших каждый уголок в поисках шпионов или убийц. Отец Маргариты ничего не сказал, когда посланцы короля устроили допрос его людям. Обитатели всех соседних деревень уже знали о визите короля. Когда опустились сумерки и в небе появились кувыркающиеся ласточки, с полей и огородов к замку потянулись крестьяне с семьями. Они стояли вдоль дороги, ведущей к Сомюру, вытягивая шеи в надежде увидеть короля. Когда тот проезжал мимо них, мужчины махали шляпами, оглашая окрестности приветственными криками.

Прибытие короля Карла оказалось не столь впечатляющим, как того ожидала Маргарита. Из окна башни она наблюдала за тем, как по дороге с юга приближалась небольшая, не более двадцати человек, группа всадников, в центре которой ехал стройный мужчина в голубом плаще, отвечавший на приветствия крестьян. Интересно, думала Маргарита, уж не думает ли он, что мир наполнен радостными людьми, которые составляют часть ландшафта, подобно деревьям, рекам или горам.

Когда королевская свита проезжала через главные ворота, Маргарита высунулась в открытое окно. Оказавшись во дворе, король спешил и передал поводья слуге. Он показался ей вполне обычным человеком. Его спутники – мужчины с суровыми, серьезными лицами – осматривались, не скрывая отвращения. В душе Маргариты тут же поднялась волна возмущения. Она видела, как Рене неловко поклонился королю, прежде чем они вошли внутрь замка. До ее слуха доносился громкий, хриплый голос отца. Слишком старается, подумала Маргарита. Такой человек, как король, должен был давно устать от лестии.

Пир получился довольно убогим. Маргарита и Иоланда сидели в дальнем конце стола, облаченные в тесные платья, от которых пахло камфарой и древесиной кедра, слишком дорогие, чтобы на них можно было сажать пятна. Их братья располагались ближе к королю и не сводили с него глаз, словно усталые и промерзшие странники, которые никак не могут наглядеться на огонь очага на постоялом дворе. На правах старшего сына хозяина Жан несколько раз пытался завязать беседу, но его речи были настолько высокопарными и неестественными, что Маргарита с трудом сдерживала смех. В зале царила чрезвычайно принужденная атмосфера и было невыносимо душно, а Иоланда, разумеется, щипала ее под столом, чтобы она, вскрикивая от неожиданности, ставила себя в неловкое положение. В ответ Маргарита тыкала в нее серебряной вилкой из столового сервиза, какого она никогда не видела прежде.

Она знала, что ей нельзя раскрывать рот. Ее мать Изабелла прямо сказала ей об этом. Поэтому она сидела молча, в то время как вино лилось рекой и между переменами блюд король удостаивал благосклонной улыбкой ее отца или Жана.

По мнению Маргариты, Карл был слишком худ и длиннонос, чтобы его можно было назвать симпатичным. Над маленькими, похожими на бусинки черными глазами пролегали тонкие, словно выщипанные, брови. Она представляла его громогласным и бородатым и думала, что на голове у него будет корона. Однако король обманул ее ожидания. Он нервно ковырялся столовыми приборами в еде, которая ему явно не нравилась, а изображая улыбку, просто приподнимал уголки губ.

Время от времени ее отец прерывал неловкое молчание историями и воспоминаниями о своей жизни при дворе, стараясь развлечь гостей пустой болтовней. Некоторое оживление за столом возникало лишь в те моменты, когда он хлопал в ладоши и слуги быстро наполняли опустевшие кубки вином. Маргарите было стыдно за него. Она видела, что король откровенно скучает, хотя этого не видел лорд Рене. Пробуя очередное блюдо, она силилась представить, сколько оно могло стоить. Зал освещали дорогие восковые свечи, которые обычно зажигали только на Рождество. Судя по всему, после этого приема им придется на несколько месяцев затянуть пояса. Маргарита пыталась извлекать из всего этого хоть какое-то удовольствие, но вид сотрясающейся от смеха головы отца ее слишком злил. Она медленно потягивала сидр, питая надежду, что присутствующие заметят ее неодобрение и, возможно, даже сконфузятся. Было бы неплохо, если бы они обратили внимание на скромную, строгую девушку, а потом взглянули бы на свои тарелки с горами почти нетронутой еды. Ей было известно, что король Карл встречался с Жанной д'Арк, и она страстно желала расспросить его о ней.

Лицо Марии, сестры отца, сидевшей рядом с королем, выражало такое же неудовольствие, как и лицо Маргариты. Раз за разом девушка замечала, как взгляд тетки скользит по шее ее матери, на которой отсутствовали какие бы то ни было украшения. Это было единственное, что Рене не смог ни у кого позаимствовать для банкета. Все материнские драгоценности ушли на финансирование его провальных военных походов. Грудь самой Марии, которая была женой короля, украшало роскошное рубиновое кольцо. Маргарита старалась не задерживать на нем взгляд, но ведь оно было призвано привлекать внимание, разве нет? Казалось бы, замужняя дама не должна стремиться к тому, чтобы мужчины рассматривали ее грудь подобным образом, но она, по всей очевидности, стремилась к этому. Маргарита заметила, что тетка перевела взгляд с пустых груди и ушей матери на великолепные гобелены, висевшие на стенах. Наверное, пытается вспомнить их, ведь она выросла в Сомюре вместе с Рене, подумала Маргарита. Как и слуги, гобелены были одолжены у соседей на несколько дней. У нее возникло впечатление, будто она слышит, как мысли тетки щелкают, подобно костяшкам счет. Мать всегда называла Марию жестокосердной. Тем не менее ей удалось завоевать сердце короля, а вместе с ним и прелести королевской жизни.

Маргарите не давал покоя вопрос: что могло привести короля Карла в Сомюр? Она знала, что за столом никаких серьезных разговоров не будет – может быть, после того, как король

отдохнет, или на следующий день, после охоты. Маргарита решила подняться на балкон над главным залом, когда ей разрешат пойти спать. Отец пригласил короля посидеть у большого камина и насладиться винами изысканных сортов. Она придвинулась к Иоланде в тот самый момент, когда сестра приготовилась уцепиться за руку.

– Только прикоснись ко мне, я схвачу тебя за ухо так, что ты завопишь от боли, – шепнула она ей.

Иоланда резко отдернула руку. Пятнадцатилетняя сестра была, пожалуй, ее самой близкой подругой, хотя в последнее время она все чаще напускала на себя вид взрослой дамы и говорила Маргарите, что больше не может играть в детские игры. Она даже отдала ей свою красивую раскрашенную куклу, заявив, что отныне не нуждается в игрушках.

– Поднимешься со мной после пира по задней лестнице на балкон, тот, что в вороньей комнате?

В раздумье Иоланда слегка склонила голову набок. Новое волнующее ощущение взрослости боролось в ее душе с желанием услышать, о чем король будет разговаривать с их отцом.

– Если только ненадолго. Я знаю, ты боишься темноты.

– Это ты трусиха, Иоланда. А вот я не боюсь пауков, даже больших. Так ты пойдешь?

Маргарита ощутила на себе неодобрительный взгляд матери. Она протянула руку и взяла со стола какой-то разрезанный плод. Он был восхитителен на вкус, и она не могла вспомнить, когда в последний раз их обед завершался столь изысканным десертом.

– Пойду, – прошептала Иоланда, едва шевеля губами.

Маргарита молча кивнула, не отваживаясь открыть рот, дабы не навлечь на себя материнский гнев. Тем временем отец рассказывал скучную историю об одном своем арендаторе-крестьянине. Король иногда посмеивался, и вслед за ним посмеивались остальные. Обед, вне всякого сомнения, удался, но Маргарита прекрасно понимала, что Карл приехал в Сомюр не ради изысканных вин и блюд. Опустив голову, она исподтишка рассматривала короля Франции. Он выглядел вполне заурядно, но ее братья были явно очарованы им. Они ловили каждое его слово. Маргарита едва сдержала улыбку, представив, как на следующее утро она посмеется над ними. Это станет мстью им за то, что они охотятся на нее, словно на маленькую лисицу.

Глава 3

Маргарита бесшумно прошла босыми ногами по вороньей комнате. Прошлым летом она с помощью куска угля пометила крестиками все места на полу, где скрипели стыки досок. Отблески огня камина в большом зале освещали балкон. Она прокралась туда на цыпочках, и ее движения напоминали танцевальные па. «Вороны» хранили молчание. Маргарита повернулась и жестом позвала Иоланду. Немного поколебавшись, та не смогла противостоять искушению и двинулась к балкону по полированным доскам пола, которые время от времени издавали стонущие звуки. Каждый раз девушки замирали, но их отец и король, сидевшие у камина, в котором шипели и потрескивали дрова, похоже, не слышали скрипа половиц у них над головами. Старый замок постепенно затих, погрузившись в сон. В конце концов Иоланда добралась до балкона, расположилась возле сестры, и они принялись наблюдать через деревянные доски парапета за происходящим внизу.

Большой зал пережил разграбление Сомюра и почти полностью сохранил свой первоначальный вид. Возможно, от алчных парижан его гобелены и замечательную мебель спасло то, что он являлся сердцем замка, средоточием его повседневной жизни. Камин был настолько большим, что взрослый человек мог войти в него, не склоняя головы. В нем весело потрескивало бревно размерами с небольшой диван, а лежавшие на нем концы черных железных кочерег раскалились добела. Король Карл сидел в огромном кресле с набивкой, установленном рядом с камином, в то время как Рене Анжуйский возился с кубками и бутылками. Маргарита с восхищением наблюдала за тем, как отец погрузил одну из кочерег в кубок с вином. Струя шипящего пара наполнила атмосферу тонким, сладковатым ароматом. Она ощутила запах гвоздики и корицы. К сожалению, жар камина не достигал ее наблюдательного пункта. Камни замка впитывали тепло, особенно по ночам. Маргарита, которая сидела, поджав под себя ноги, ежилась от холода. Она была готова тут же юркнуть в комнату, если отец поднимет голову и посмотрит на балкон.

Перед тем как уединиться в большом зале, мужчины переоделись. На отце был стеганный халат, свободные брюки и фетровые башмаки. В мерцающем свете, с кочергой в руках, испускающей струи пара, он напоминал волшебника. Король был облачен в громоздкий плащ из материала с блестками, с поясом. У Маргариты возникло странное ощущение, будто она стала свидетельницей некоего тайного ритуала, совершаемого магами. Однако звуки елеяного голоса отца тут же разрушили эту иллюзию.

– Вы поставили их в такое положение, ваше величество, и никто другой. Если бы вы не захватили Орлеан и не укрепили армию, превратив ее в ту могущественную силу, какую она сейчас собой представляет, они не просили бы сейчас перемирия. Это служит признаком нашей силы и их слабости. Они пришли к нам, ваше величество, в качестве просителей. Это принесет славу как вам, так и Франции.

– Возможно, Рене, вы и правы. Но они хитры и умны, почти как евреи. Если бы меня убивала жажда и англичанин предложил бы мне чашу воды, я, прежде чем принять ее, подумал бы, какую выгоду это может ему принести. Мой отец был более доверчив, и за его доброжелательность они отплатили ему обманом.

– Ваше величество, я согласен с вами. Надеюсь, я никогда не стану столь доверчив, чтобы после обмена рукопожатием с английским лордом не проверить свои карманы! И тем не менее ваш посол сообщает, что их король почти не разговаривает с ним и всячески его избегает. Этот Генрих пошел не в отца, иначе они уже давно вновь принялись бы опустошать Францию. Я уверен, это предложение свидетельствует об их слабости, и благодаря этой слабости мы сможем вернуть утраченные нами земли. В пользу Анжу, ваше величество, но также и в пользу Франции. Как мы можем позволить себе упустить такую возможность?

– Именно поэтому я подозреваю, что они устроили нам ловушку, – мрачно произнес король, сделав глоток горячего вина и выдохнув облачко пара. – О, я могу поверить в то, что им нужна французская принцесса для улучшения их прогнившей династии, для насыщения ее свежей кровью. Двух моих сестер отдали англичанам, Рене. В последние годы мой отец был... несколько непостоянен. Думаю, он не осознавал полностью опасность своего шага, когда отдавал Изабеллу их королю Ричарду⁶ и мою любимую Екатерину английскому мяснику⁷. Стоит ли удивляться, что теперь они претендуют на мой престол, мое наследство? Разве это не наглость, Рене? Этот мальчик Генрих наполовину ангел, наполовину дьявол. Подумать только, английский король – мой племянник! Святые, должно быть, смеются – или плачут, даже и не знаю.

Король осушил кубок, засунув внутрь свой длинный нос, скривился, будто ему в рот попал осадок, и смахнул рукавом с губ темно-красные капли. Погрузившись в мысли, он сделал ленивый жест отцу Маргариты, который вновь наполнил кубок и вынул из камина еще одну кочергу.

– Я не хочу подкреплять их претензии еще одной каплей французской крови, лорд Анжу. Вы хотите, чтобы я оставил без наследства своих детей ради иностранного короля? И во имя чего? Маленького Анжу? Мэна? Перемирия? Скорее я соберу армию, разобью их в пух и прах и сброшу в море. Вот что я хочу сделать, вместо того чтобы заключать перемирие. Разве можно, обладая достоинством и честью, спокойно смотреть, как они торгуют пшеницей и соленым горошком в Кале, попирая ногами землю Франции?

Маргарита сверху видела, как изменилось выражение лица отца. Прежде чем ответить королю, он задумался, очевидно тщательно подбирая слова. Она знала, что мать дает ему конопляное масло и отвар сенны, поскольку он страдал запорами вследствие длительного пребывания в заключении. Его обычно бледное, одутловатое лицо налилось кровью от вина или жара, исходившего от камина, и Маргарите казалось, будто этот человек изнутри наполнен чем-то отвратительным.

Испытываемое ею чувство неприязни к нему было настолько сильным, что она, вопреки здравому смыслу, желала, чтобы ему не удалось добиться того, к чему он стремился.

– Ваше величество, я в полном вашем распоряжении. Если вы скажете, что нужно воевать, весной я отправлюсь с армией в поход против англичан. Вероятно, нам опять будет сопутствовать удача, как в случае с Орлеаном.

– Или как в случае с Азенкуром, – язвительно произнес король.

Его рука дернулась, как будто он собирался швырнуть кубок в огонь. Сделав видимое усилие, Карл взял себя в руки.

– Клянусь, если бы я был уверен в победе, то завтра же поднял бы знамена.

Некоторое время он размышлял, пристально глядя на колеблющиеся языки пламени.

– Но я видел, как сражаются англичане. Я помню этих краснолицых, торжествующе ревущих животных. Им неведома культура, они настоящие дикари. *Вам* это известно, Рене. Вы видели этих мужланов, с их мечами и луками, этих толстых мясников, способных только убивать.

Он в раздражении махнул рукой, словно отгоняя неприятные воспоминания, но Рене все же осмелился перебить короля, прежде чем тот успел окончательно похоронить все его надежды и планы.

⁶ *Изабелла Французская* (де Валуа) (1389–1409) – вторая супруга короля Англии Ричарда II. После его смерти вернулась во Францию и вышла замуж за Карла, герцога Орлеанского.

⁷ *Екатерина Валуа* (1401–1437) – королева-консорт Англии. После многолетних переговоров была выдана замуж за английского короля Генриха V. Из-за этого брака французский дофин Карл (будущий Карл VII Победитель) лишился права на престол, а Генрих V, благодаря браку с Екатериной Валуа, признавался наследником Карла VI; дети, рожденные в этом союзе, получали корону Франции. Страна теряла свою независимость, становясь частью объединенного королевства.

– Каким бы это стало триумфом – вернуть четверть их владений во Франции без единого сражения, ваше величество! За обещание перемирия и принцессу мы выиграем больше, чем за десятилетие войны с ними. У них больше нет Льва Англии, и мы лишим их сердца Франции.

Карл фыркнул:

– Я прекрасно вас понимаю, Рене. Вы хотите вернуть свои родовые земли. Ваша выгода вполне очевидна. А вот моя не вполне!

– Не могу не согласиться с вами, ваше величество. Вы прозорливее и дальновиднее меня. И все же я смогу служить вам лучше, владея Анжу и Мэном. Я верну свои долги короне, ваше величество. Наше приобретение – это их потеря, и даже один акр французской земли стоит небольшого риска, я убежден в этом. – Заметив на лице короля тень сомнения, он усилил напор. – Один акр французской земли стоит много, ваше величество, и даже еще больше, когда он отбирается у старого врага. Это победа – пусть и одержанная за столом переговоров, а не на поле битвы. Ваши лорды будут видеть лишь то, что вы отвоевали эти земли у англичан.

Король кивнул, затем поставил кубок на каменный пол и потер глаза.

– Если я соглашусь, ваша дочь станет английской королевой. Я полагаю, она обладает сильным характером?

– Ваше величество, она сама скромность и воплощение благородства. Присутствие преданного члена моей семьи при английском дворе только укрепит ваши позиции.

– Да... пожалуй, – неуверенно согласился Карл. – Но это пахнет инцестом, Рене, не так ли? Король Генрих приходится мне племянником. И ваши дочери тоже приходятся мне племянницами. Я буду вынужден обратиться к папе за специальным разрешением, а оно обойдется нам недешево, если мы хотим получить его в течение десяти лет.

Рене улыбнулся, явно испытывая облегчение. Он знал, что англичане сами обратятся в Рим за разрешением, если он потребует этого. Ему также было известно, что его король выторговывал титул в обмен на соглашение. Тот факт, что сокровищница Сомюра завалена пустыми мешками и служит обиталищем паукам, ничуть его не волновал. Он мог занять у евреев сколько угодно.

– Мой господин, для меня будет честью взять на себя эти расходы. Я так понимаю, мы близки к решению?

Карл медленно опустил голову. У него на лице было такое выражение, будто он пытается достать языком застрявший в зубах кусочек пищи.

– Очень хорошо. В этом деле я буду руководствоваться вашими советами, Рене. Вы снова станете лордом Анжу и Мэна. Надеюсь, вы довольны?

Рене зарделся от волнения и удовольствия:

– Вы можете во всем полагаться на меня и располагать мною, как вам угодно, ваше величество.

Рене преклонил колено и поцеловал королю руку. Маргарита повернулась к сестре и увидела, что та сидит с округлившимися глазами и открытым ртом. Она аккуратно закрыла ей рот пальцем, заметив при этом, что у нее самой дрожит рука.

– Я уже обручена, – прошептала Иоланда. – Отец ни за что не разорвет мою помолвку.

Не сговариваясь, они поползли обратно в комнату, вздрагивая при каждом скрипе половиц.

Оказавшись в темном коридоре, девушки поднялись с пола. Раскрасневшаяся от волнения Иоланда схватила сестру за руки, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, словно ей хотелось танцевать.

– Ты выйдешь замуж за короля, Маргарита. Ведь речь *наверняка* шла о тебе.

– За английского короля, – с сомнением произнесла Маргарита. Она понимала, что со временем ей подберут мужа, но думала, что заниматься этим или, по крайней мере, участво-

вать в этом будет мать. Маргарита с раздражением взглянула на сестру, которая уже начала пританцовывать, словно малиновка.

– Меня выторговали, словно призовую телку, Иоланда. Ты же слышала. Это... это уж слишком.

Иоланда обняла сестру и потащила ее в другую комнату, еще более темную, поскольку в нее не проникали отблески огня с балкона, освещаемую лишь бледным лунным светом.

– Ты будешь *королевой*, Маргарита. И это главное. Их Генрих, по крайней мере, молод. Тебя могли бы отдать за какого-нибудь старого толстого лорда. Ты разве не рада? Когда мы станем взрослыми, мне придется кланяться тебе при встрече. И нашим братьям тоже!

При мысли о том, что Жан будет вынужден признать ее превосходство, ее губы медленно раздвинулись в улыбке. Это действительно было здорово.

– Я смогу приказать какому-нибудь английскому гвардейцу засунуть его в котел, – сказала она со смехом.

– Конечно, и никто не остановит тебя, потому что ты будешь королевой.

Заразившись восторгом Иоланды, Маргарита крепко сжала руку сестры.

Вечером город Анжер был прекрасен. Хотя столица Анжу находилась под господством англичан, ее жители редко сталкивались с проявлениями иностранного гнета, если не считать общения со сборщиками налогов. Рюбен Мозель собрал в своем доме, стоявшем на берегу реки, множество английских купцов, как делал это каждый год. Расходы на вечеринку всегда оправдывали себя в торговле, и он считал это мероприятие хорошим вложением.

По сравнению с французами и англичанами одевался он очень просто, в неброские наряды темных тонов. У него давным-давно сложилась привычка не демонстрировать свое богатство посредством одежды. Не имело никакого значения то, что он мог купить и продать многих из присутствовавших в его доме людей, и то, что треть из них были должны ему целое состояние – в виде золота, земель или деловых связей. И в стенах своего банка, и за их пределами он являл собой олицетворение скромности.

Рюбен увидел, что его жена беседует с лордом Йорком, и услышал, как она говорит ему, чтобы он чувствовал себя как дома. Сара была настоящим сокровищем. У нее гораздо лучше, чем у него, получалось общаться с грубоватыми и бесцеремонными английскими захватчиками. Рюбен вообще отдавал предпочтение французам, которые отличались утонченным умом, более подходящим для того, чтобы разбираться в нюансах бизнеса. Однако Йорк командовал английскими войсками в Нормандии, и никаких сомнений в целесообразности его приглашения быть не могло. Этот человек контролировал контракты на огромные суммы, поскольку ему было необходимо чем-то кормить своих солдат. Тяжело вздохнув, Рюбен повторил про себя дежурную фразу на английском и приблизился к ним, протиснувшись сквозь толпу.

– Милорд Йорк, – вкрадчиво произнес он, – я вижу, вы уже познакомились с моей женой. Для нас большая честь принимать вас в нашем доме.

Английский аристократ повернулся, чтобы посмотреть, кто это обращается к нему, и Рюбен предпринял неимоверное усилие, чтобы улыбнуться под взглядом, исполненным нескрываемого презрения. Казалось, пауза длилась целую вечность. Наконец Йорк соизволил кивнуть ему.

– А-а, хозяин, – сказал он небрежным тоном. – Разрешите представить мою жену, герцогиню Сесилию.

– Чрезвычайно приятно, мадам. – Рюбен поклонился.

Она не протянула ему руку, хотя он потянулся к ней. Пришлось скрыть свое смущение, сделав вид, будто он просто решил переложить бокал с вином из одной руки в другую. На груди герцогини сверкали алмазы. Холодный взгляд, тонкие губы, неулыбчивое лицо – она вполне

соответствовала своему мужу. Ее брови были почти полностью выщипаны, а лоб пересекала лента, усыпанная драгоценными камнями.

– У вас прекрасный дом, мсье, – заметила она. – Муж говорил, вы занимаетесь торговлей.

Последнее слово герцогиня произнесла с таким выражением, как будто боялась испачкать об него губы.

– Благодарю вас, мадам. Я владею небольшим банком и занимаюсь торговлей, главным образом на местном уровне. Храбрые солдаты вашего мужа должны быть сыты и находиться в зимнее время в тепле. Задача по обеспечению их всем необходимым отчасти лежит и на мне.

– За что вы получаете целое состояние золотом, – вмешался в разговор Йорк. – Я уже подумываю о том, чтобы обратиться к другим поставщикам, мсье Мозель, но здесь не место для обсуждения таких дел.

Рюбен слегка смутился, хотя ему не раз приходилось слышать подобные заявления.

– Надеюсь, мне удастся разубедить вас, милорд. Наше сотрудничество выгодно нам обоим.

При упоминании о выгоде у герцогини скривились губы, но Рюбен продолжал улыбаться, изо всех сил стараясь, чтобы улыбка у него выходила как можно более искренней.

– Очень скоро подадут ужин, мадам. Надеюсь, вы в полной мере насладитесь теми маленькими удовольствиями, которые мы имеем возможность вам предоставить. Если у вас есть немного времени, вечером оранжерея поистине восхитительна.

Он уже собрался с извинениями удалиться, как вдруг из сада донеслись грубые голоса. Один из местных фермеров уже в течение некоторого времени пытался привлечь его к суду. Дело было несущественным, и Рюбен находился в слишком хороших отношениях с городскими чиновниками, чтобы беспокоиться по поводу какого-то бедного крестьянина с его жалобой. По всей очевидности, этот дурак явился на ежегодную вечеринку, чтобы устроить скандал. Он переглянулся с женой. Та все прекрасно поняла.

– Мне нужно идти к другим гостям, – сказал он извиняющимся тоном. – Леди Йорк, милорд. Прошу меня простить.

Шум постепенно усиливался, и гости начали поворачивать голову в сторону сада. Рюбен ловко проскользнул сквозь толпу, принося извинения одним и перебрасываясь парой слов с другими, кого он хорошо знал. Жена наверняка сумеет развлечь английского лорда и его чопорную жену. Сара была для него поистине божьим даром.

Этот дом когда-то принадлежал одному французскому барону, который после очередного военного поражения Франции был вынужден продать все свое имущество. Рюбен приобрел его, к большому неудовольствию местных аристократов, которым очень не понравилось, что еврей завладел домом христианина. Однако англичане проявляли большую терпимость в таких вопросах, или, по крайней мере, их было легче подкупить.

Рюбен подошел к большим, от потолка до пола, застекленным окнам, выходившим на лужайку. Сегодня они были открыты, чтобы в дом мог проникать теплый воздух. Он нахмурился, увидев солдат, топтавших аккуратно постриженную траву. Гости, разумеется, прислушивались к тому, что происходило в саду, и поэтому он заговорил спокойным тоном, не повышая голос:

– Джентльмены, видите ли, я устраиваю званый ужин для своих друзей. Не может ли это подождать до завтрашнего утра?

– Вы Рюбен Мозель? – спросил один из солдат.

В его голосе прозвучала насмешка, но Рюбен сталкивался с этим ежедневно, и выражение его лица ничуть не изменилось.

– Совершенно верно. Вы находитесь в моем доме, сэр.

– Вы неплохо устроились, – сказал солдат, заглядывая в окно.

Рюбен кашлянул, испытывая смутное волнение. Его собеседник держался уверенно и не проявлял ни малейшего почтения к признакам богатства и власти, как того можно было ожидать.

– Могу я иметь честь узнать также и ваше имя? – холодно поинтересовался Рюбен. Солдат не заслуживал вежливого обращения, но за этой сценой наблюдало слишком много глаз.

– Капитан Ресин Сомюр, мсье Мозель. Мне приказано арестовать вас.

– Прошу прощения? На каком основании? В чем меня обвиняют? Это ошибка, капитан, уверяю вас. Здесь находится магистрат. Разрешите мне отвести вас к нему, и он объяснит...

– У меня приказ, мсье. Обвинение вам будет предъявлено в Департаменте. А теперь прошу следовать за мной. Объясняться будете с судьей.

Рюбен пристально смотрел на капитана. Руки у него были грязными, от униформы исходил запах давно не мытого тела, но его уверенность внушала тревогу. Трое других солдат скалили желтые зубы, явно наслаждаясь тем, что причиняют беспокойство стольким людям. При мысли, что ему придется идти с этими людьми, тело Рюбена начало покрываться холодным потом.

– Могу ли я вам чем-нибудь помочь, мсье Мозель? – послышался голос у него за спиной.

Рюбен обернулся и увидел лорда Йорка, стоявшего с бокалом вина в руке. Он вздохнул с облегчением. Плечистый, с выступающим вперед подбородком, английский аристократ сам выглядел как солдат. Поведение французских солдат сразу стало почтительнее.

– Вот... капитан говорит, что ему приказано арестовать меня, лорд Йорк, – ответил Рюбен, намеренно упомянув титул. – Он еще не сказал, в чем меня обвиняют, но я убежден, что здесь какая-то ошибка.

– Понятно. В чем заключается обвинение? – спросил Йорк.

Рюбен видел, что капитан пытается придумать дерзкий ответ, но в конце концов тот только пожал плечами. Было в высшей степени неразумно выводить из себя человека, имевшего такую репутацию и пользовавшегося таким влиянием, как Йорк, – во всяком случае, со стороны скромного капитана.

– Богохульство и колдовство, милорд. Он должен предстать перед судом в Нанси.

У Рюбена от изумления отвалилась челюсть.

– Богохульство и... это безумие, мсье! Кто меня обвиняет?

– Я не вправе говорить это, – ответил капитан. Он смотрел на лорда Йорка, сознавая, что тот может в любой момент вмешаться.

Рюбен тоже повернулся к англичанину:

– Милорд, если вы убедите их вернуться завтра утром, я смогу найти свидетелей и доказательства того, что это обвинение ложно.

Йорк взглянул на него сверху вниз, и в его глазах отразился свет факелов.

– Насколько я понимаю, данное дело не относится к юрисдикции английского суда. Меня это совершенно не касается.

Услышав эти слова, капитан улыбнулся, шагнул к Рюбену и сжал его руку:

– Пожалуйста, не сопротивляйтесь, мсье. Пойдемте с нами. Не вынуждайте меня тащить вас силой.

Рюбену не верилось в реальность происходящего.

– Магистрат находится в моем доме, капитан! Почему вы не даёте мне привести его сюда? Он все объяснит.

– Это дело отнюдь не местного уровня. Если вы скажете что-нибудь еще, я с большим удовольствием выбью вам зубы.

Рюбен потряс головой, будучи не в силах произнести от страха ни слова. Ему минуло пятьдесят, и он уже страдал одышкой.

Ричард, герцог Йорк, с чувством, близким к любопытству, наблюдал за тем, как уводят хозяина дома. Повернув голову, он заметил, что герцогиня пробивается к нему сквозь толпу с довольным выражением на лице.

– Я думала, это будет ужасно скучный вечер, – сказала она. – Только так и следует поступать с евреями. Они слишком наглеют, если им не напоминать об их месте. Надеюсь, его поколотят за наглость.

– Наверняка, дорогая, – ответил Йорк.

Из главного зала донесся пронзительный женский крик. Новость достигла жены Рюбена. Сесилия улыбнулась.

– Кажется, у меня появилось желание посмотреть оранжерею, – сказала она, беря мужа под руку.

– Обвинение довольно серьезное, дорогая, – задумчиво произнес Йорк. – Если хочешь, я могу купить этот дом для тебя. В Анжере очень хорошо летом, а у меня здесь нет жилья.

Скривив свои тонкие губы, она покачала головой.

– Лучше его сжечь и построить новый, после таких-то хозяев, – сказала она, немало его развеселив.

Глава 4

Рюбен прошел все испытания, выпавшие на долю его народа, пока брел по дороге, хромая и шатаясь из стороны в сторону. Попадавшиеся ему навстречу немые, дурно пахнущие люди оскорбляли его, плевали в него, называли «убийцей Христа» и «богохульником». Их лица рдели от праведного гнева. Некоторые швыряли в него камни и холодную жидкую грязь, которая, ударяясь в грудь, стекала по обнаженному телу под расстегнутую рубашку.

Рюбен не обращал внимания на разъяренных горожан. Они не могли причинить ему больших страданий, нежели те, что он уже пережил. Все его тело покрывали синяки и ссадины, а один глаз представлял собой багровое месиво, из которого по щеке стекала розовая струйка. Его вели по улицам Нанси, и он оставлял за собой на брусчатке кровавый след.

За месяцы мучений и тюремного заключения он утратил нечто важное. Нет, не веру в Бога. Он ни на мгновение не сомневался в том, что его врагов ждет не менее страшное наказание. Бог обязательно отыщет их и каленым железом заставит склонить головы. Он утратил веру в людей. Никто не заступился за него. Никто не замолвил за него ни единого слова во время судебных заседаний. Он был знаком по меньшей мере с десятком людей, достаточно состоятельных и влиятельных для того, чтобы добиться его освобождения, но они хранили молчание, пока распространялись все новые и новые известия о его ужасных злодеяниях. Рюбен устало качал головой. Ему не оставалось ничего иного, кроме как отдаться на милость судьбы. Ему приписывали самые бессмысленные преступления. Спрашивается, зачем человеку его положение пить вечерами кровь христианских детей, если в подвале у него хранится хорошее красное вино?

Предъявляемые ему обвинения были нелепы, и он не сомневался в том, что они будут признаны ложными. Ни один разумный человек не поверит в их правдивость. Тем не менее городские судьи скривили свои жирные губы, когда перед их взорами предстал измученный, сломанный человек. Они смотрели на него с отвращением, будто он по собственной воле стал тем жалким существом, в которое его превратили инквизиторы. Судьи в черных шапочках, преисполненные чувства удовлетворения от хорошо выполненной работы, вынесли приговор: смерть через сдирание кожи.

За время пребывания в заключении Рюбен развил в себе определенное мужество – благодаря башмаку, который тюремщики надевали ему на ногу и посредством специального приспособления сдавливали до тех пор, пока у него не начинали хрустеть и ломаться кости. Всю жизнь ему не хватало ни физической силы, ни духа для того, чтобы драться. Бог наградил его умом, с помощью которого он нажил себе богатство, и всегда втайне презирал тех, кто гордился способностью поднимать железки и размахивать ими. И все же, даже когда боль становилась невыносимой, даже когда у него срывался голос от крика, он ни в чем не сознавался. Это было упрямство, которого он прежде никогда в себе не замечал, – вероятно, являвшееся единственным доступным ему способом выразить презрение своим мучителям. Он хотел встретить смерть, демонстрируя этот еще сохранившийся обрывок гордости, словно последнюю золотую нить в изношенном плаще.

Однажды к нему в камеру пришел старший судья города Нанси Жан Марисс, напоминавший живой труп. У носа он держал ароматический шарик с высохшими лепестками, дабы заглушить невыносимый смрад. Рюбен дерзко смотрел на него единственным сохранившимся глазом, в надежде вызвать у него чувство стыда проявлением своего человеческого достоинства. К этому времени он уже не мог говорить. Все зубы у него были выбиты, и в качестве пищи он мог принимать только жидкую овсянку, которую ему ежедневно приносили, чтобы поддерживать в нем жизнь.

– Я вижу, в нем все еще присутствует дьявольская гордость, – сказал Жан Марисс каравальным.

Рюбен смотрел прямо перед собой, и глаз его горел глухой ненавистью. Он был знаком с Жаном Мариссом, как и со всеми чиновниками региона. Знание их привычек когда-то приносило ему немалую пользу, но сейчас оно не спасло его. Проститутки Нанси говорили о Мариссе, что он больше любит бить, нежели целовать. Ходил даже слух, будто одна девушка умерла после того, как провела с ним вечер. Рюбен был уверен, что жена Марисса была бы поражена, дойди этот слух до нее. Он задумался о справедливости обвинений в свой адрес, но ему не с кем было поговорить об этом, к тому же его язык уже был вырван щипцами, специально предназначенными для этой цели.

– Допрашивающие вас люди сказали мне, что вы отказываетесь сознаваться в своих грехах, – сказал Жан Марисс. – Вы слышите меня, мсье Мозель? Они говорят, что вы отказываетесь подписывать что-либо, хотя они ради этого намеренно не трогали вашу правую руку. Разве вы не понимаете, что это положит конец всему? Ваша судьба предрешена. У вас ничего не осталось. Вам не на что надеяться. Сознайтесь, и тогда, возможно, вы получите отпущение грехов. Наш Бог милостив, хотя вряд ли вы, евреи, понимаете это. Вам суждено гореть в аду за вашу ересь, но кто знает? Может быть, если вы покаетесь, сознаетесь, Он избавит вас от этой участи.

Рюбен пристально смотрел на него. У него возникло ощущение, будто он может сконцентрировать во взгляде всю свою боль и с ее помощью соскоблить с этого человека до самой кости ложь, которой тот оброс. Кожа на худом лице Марисса была сморщенной, подобно старому, пожелтевшему пергаменту. Он походил на покойника. И все же Бог не поразил его своей карающей десницей. Он выставил вперед подбородок, расценивая молчание Рюбена как вызов.

– Ваше имущество конфисковано, вы это понимаете? Ни один человек не может извлечь выгоду из союза с дьяволом. Вашей жене и вашим детям придется самим зарабатывать себе на хлеб. Вы чрезвычайно осложнили им жизнь своей тайной ворожбой. У нас имеется свидетель, добропорядочный христианин с безупречной репутацией. Вы понимаете? Вам не на что рассчитывать в этом мире. Кто позаботится о вашей семье, когда вас не станет? Неужели они продолжают страдать из-за того, что вы сделали? Небеса проливают слезы. Они проливают слезы из-за страданий невинных. Сознайтесь – и все это прекратится!

На улице Рюбен случайно задел поносившего его подмастерье. Его подвела сломанная нога. Здоровый парень тут же ударил его кулаком по лицу, из носа хлынула кровь. Он смотрел, как красные капли падают на солому и грязь, покрывавшие дорогу, ведущую к городской площади. Один из караульных заорал на подмастерье и, уперев древко копья ему в грудь, отодвинул его обратно в толпу зевак. Рюбен увидел на лице парня улыбку. Вероятно, он был доволен тем, что сможет впоследствии рассказать своим детям, как ударил еврея по лицу. Он шел, с трудом волоча ноги, временами его сознание меркло. Казалось, эта дорога никогда не кончится, и на всем протяжении пути вдоль нее стояли мужчины, женщины и дети, пришедшие посмотреть, как он будет умирать. Какой-то сорванец выставил вперед ногу, и Рюбен споткнулся об нее и со стоном упал, ударившись коленями о камни. Все его тело пронзила боль. В толпе раздался смех. Люди были довольны, что увидели хотя бы часть увлекательного представления. Зеваки, стоявшие вдоль дороги, не имели возможности дать взятку, чтобы их пропустили на площадь.

Рюбен почувствовал, как сильные руки поднимают его с земли, и ощутил при этом запах чеснока и лука, хорошо знакомый ему по тюрьме. Он попытался поблагодарить караульного за помощь, но изо рта у него вырвалось мычание.

– Ничего, дойдешь, – проворчал в ответ караульный. – Осталось совсем немного.

Рюбену вспомнилось, как Жан Марисс склонился над ним, подобно ворону, осматривающему труп в поисках годного в пищу куска плоти.

– Некоторые люди удивляются, как еврей мог заниматься магией втайне от жены и детей. Вы понимаете меня, мсье Мозель? Люди шепчутся, что жена виновна точно так же, как и муж, и что дети порочны не менее, чем отец. Они говорят, что было бы преступлением позволить им уйти от наказания. Если вы не сознаетесь, я буду вынужден посадить их в тюрьму и допросить. Вы представляете, каково им придется, мсье Мозель? Какой ужас они испытают? И все же нельзя допустить, чтобы зло пустило корни. Ростки необходимо вырвать и бросить в огонь, прежде чем ветер подхватит семена и рассеет их. Вы понимаете, мсье? Подпишите признание, и ничего этого не будет. Все кончится.

Еще год назад Рюбен посмеялся бы над подобной угрозой. Тогда у него были друзья, богатство и даже влияние. Мир представлялся ему пространством, где царит порядок, где невинных людей не бросают в тюрьму и не подвергают мучениям. Он узнал, что такое подлинное зло, в камере тюрьмы города Нанси. Надежда умерла в нем, когда искалечили его тело.

Рюбен подписал признание. Он отчетливо помнил, как тряслась его рука, выводя подпись под этой ложью, которую ему даже не захотелось читать. Жан Марисс склонился над ним, и его губы растянулись в улыбке, обнажив гнилые зубы. Он помнил теплое дыхание и почти ласковый голос судьи.

– Вы поступили правильно, мсье, – сказал Марисс. – Нет ничего постыдного в том, чтобы говорить правду. Утешайте себя этим.

Городская площадь была заполнена зеваками. Свободной оставалась лишь узкая дорожка, вдоль которой стояли караульные. Рюбен содрогнулся при виде котлов с кипящей водой, стоявших по обе стороны от эшафота. Его мучители с видимым наслаждением описали ему процедуру его казни во всех подробностях. Им очень хотелось, чтобы он знал, что его ожидает. На его кожу будут лить кипящую воду, чтобы она легче отставала от плоти, а потом ее будут сдирать лоскутами. Это будет продолжаться несколько часов, дабы его невыносимые мучения доставили удовольствие толпе. Рюбен понимал, что может не выдержать этого. Он представлял, как потеряет человеческое достоинство и превратится в вопящее животное. Он не осмеливался думать о жене и дочерях. Они не останутся брошенными на произвол судьбы, говорил он себе. Его брат наверняка позаботится о них.

Мысли о своих врагах он загонял в отдаленные уголки сознания. Он был почти уверен в том, что знает инициатора всех его бед. За несколько месяцев до его ареста герцог Рене Анжуйский занял у него огромную сумму денег под залог замка Сомюр. Первая часть долга должна была быть выплачена примерно в то самое время, когда его арестовали. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что распространение слухов – чрезвычайно легкий способ возврата долгов.

Жена Рюбена возражала против предоставления ссуды, поскольку всем было известно, что у рода Анжу нет денег. Но такой человек, как Рене Анжуйский, мог легко разорить любого человека, отказавшего ему в займе.

Взойдя на эшафот, еврей старался ничем не выдать охватившего его животного страха. Ему хотелось лишь одного – чтобы его сердце, гулко колотившееся в груди, как можно быстрее остановилось.

Палачи на эшафоте были местными жителями, получавшими за работу несколько серебряных денег в день. К счастью для Рюбена, он их не знал. Терпеть насмешки и издевательства со стороны незнакомцев было тяжело, но, если бы он увидел сейчас знакомое лицо, это лишь усугубило бы его страдания. Когда его руки и ноги были крепко привязаны к деревянным столбам, толпа прихлынула ближе, чтобы рассмотреть его раны. Люди в восторге показывали на них пальцами.

Его взгляд скользнул по безумным лицам с разинутыми ртами и неожиданно остановился. Со здорового глаза спала пелена, и он увидел нависавший над площадью балкон, на котором стояла небольшая группа мужчин и женщин, наблюдавших за происходящим внизу

и переговаривавшихся друг с другом. Рюбен узнал лорда Йорка прежде, чем тот встретился с ним взглядом. В его глазах явственно читался интерес. Йорк привлек внимание своей жены, и та тоже посмотрела на него через перила, прижав руку ко рту с восторженным, благоговейным трепетом, когда взорам толпы открылась его костлявая грудь.

Рюбен опустил голову, испытывая страшное унижение. Палачи сорвали с него рубашку, обнажив синяки всех мыслимых цветов, от желтых до почти черных в области ребер, сломанных ударами ног.

«Барух даян эмет»⁸, – мысленно произнес Рюбен.

Толпа не услышала слов благодарности, обращенных к единственному подлинному судье. Когда первый глиняный кувшин погрузился в кипящую воду, он закрыл глаза, и палачи продемонстрировали толпе длинные ножи. Он понимал, что не сможет перенести эти мучения, но и не сможет умереть до тех пор, пока они не позволят ему это сделать.

В Портсмуте, одном из крупнейших портов королевства, стоял несмолкаемый крик уличных торговцев и царила деловая суета. Прежде чем начать конфиденциальный разговор, Дерри Брюер настоял на том, чтобы постоянный двор покинули все посетители, постояльцы и слуги. На улице он выставил трех караульных весьма угрожающего вида, которые преграждали доступ в здание недовольным посетителям, не успевшим допить свое пиво.

Дерри подошел к стойке бара, налил пинту пенящегося портера в оловянную кружку и поднял ее в шутовском тосте, сядя на скамью. Лорд Саффолк налил воды из стоявшего на столе кувшина, выпил и наполнил кубок вновь, причмокнув губами. Не спуская с него глаз, Дерри вытащил из-за спины сумку, порывшись в ней и достал свиток пергамента с восковой печатью, перевязанный золотой ленточкой.

– Похоже, папа готов дать разрешение, Уильям. Я удивляюсь, зачем духовному лицу ящик серебра, который мы отослали ему, но, может быть, это серебро будет израсходовано на нужды бедных, как ты думаешь?

Саффолк не удостоил его ответом. Он выпил еще воды, чтобы избавиться от привкуса морской соли во рту. Последние шесть месяцев он путешествовал между Англией и Францией так часто, что портсмутские докеры приветствовали его, называя по имени и снимая шляпы. Он смертельно устал от переговоров на двух языках. Свиток в руках Дерри возвещал о неизбежном и скором возвращении в реальность.

– И никаких поздравлений? – весело спросил Дерри. – Никакого «прекрасно сделано, Дерри»? Ты разочаровываешь меня, Уильям Поль. Немногие смогли бы добиться подобного в столь короткий срок, а я смог, разве нет? Французы искали лис, а нашли невинных цыплят, как мы и хотели. Свадьба уже точно состоится, и нам остается лишь, будто между прочим, довести до сведения англичан, живущих в Анжу и Мэне, что корона более не нуждается в их службе. Другими словами, что им пора убираться оттуда.

Саффолк поморщился. Ему было неприятно слышать это. Англичане в Анжу и Мэне вовсю торговали и управляли огромными земельными владениями. Все они – от могущественных и влиятельных лордов до последних подмастерьев – вознегодуют, когда французы начнут выпроваживать их с этих земель.

– Существует один маленький деликатный вопрос, Уильям, который я не решаюсь поднять перед лордом, занимающим столь высокое положение, как ты.

– В чем дело, Дерри? – недовольно спросил Саффолк, уставший от всевозможных манипуляций и игр. Его кубок был опять пуст, но в кувшине вода уже кончилась. Дерри не спеша потягивал портер, не проявляя намерения пополнить содержимое своей кружки.

⁸ «Благословен Судья Праведный» (*иерит*).

– Они просят, чтобы церемония бракосочетания состоялась в кафедральном соборе в Туре, вот в чем дело. А еще дело в том, что это территория, которую французская армия готова занять в обмен на перемирие. Я ни в коем случае не позволю Генриху ехать туда, Уильям.

– Ты *не позволишь* ему? – Саффолк удивленно поднял брови.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Они заманят его в церковь, а потом не выпустят, можешь не сомневаться.

– Так предложи другое место – например, Кале. Уж если там он не будет в безопасности, он не будет в безопасности и в Англии.

– Ты не просто так возил письма туда-сюда все это время, Уильям Поль. Они ни за что не согласятся на Кале, где весь их двор окажется в окружении английской армии. Это место для них неприемлемо по той же самой причине, по какой для нас неприемлем Тур. Поверь, в голове у меня кое-что имеется, Уильям. Я пытался настаивать, но они уперлись, и ни в какую. Но о каком бы месте свадьбы мы с ними ни договорились, существует и другая проблема. Нельзя допустить, чтобы наш Генрих разговаривал с французским королем. Одна короткая беседа с агнцем, и они загудят в боевые трубы, с алчностью глядя через Ла-Манш.

– Да, это действительно проблема. И в Туре, и в Кале. Я не понимаю... неужели нельзя найти нейтральное место где-нибудь на полпути между двумя странами?

Дерри бросил на лорда взгляд, в котором сквозило презрение:

– Какая жалость, что я не обладал твоим замечательным умом, когда потел над картами, пытаясь найти как раз такое место. Видишь ли, Уильям. Есть английская территория и французская территория. Ничейной территории между ними нет. Либо они уступают нам, либо мы им. Иначе ничего не получится, и не будет ни свадьбы, ни перемирия. И мы к тому же еще не решили, как заставить молчать агнца во время церемонии. Ты думаешь, он согласится держать рот на замке, Уильям? Или же он заявит им, что собственными руками каждую ночь удерживает их корабли? Как ты считаешь?

Уильям увидел на лице Дерри улыбку, хотя тот фактически признался, что его многомесячные труды были готовы пойти прахом.

– У тебя есть решение, – сказал он. – Не так ли?

Брюер поднял наконец свою кружку и долго пил, не отрываясь, пока не осушил ее и не поставил с тяжелым вздохом на стол.

– Хорошее пиво. Да, у меня есть ответ на твои молитвы, Уильям Поль. Или, может быть, ответ на молитвы короля. Он женится в Туре. И при этом не будет там присутствовать.

– Что? Не говори загадками, Дерри. – Лорд увидел, как у его собеседника в глазах вспыхнули холодные огоньки.

– Я не люблю, когда во мне сомневаются, Уильям Поль. Говорю тебе, у меня есть ответ, и в Англии не найдется трех человек, которые смогли бы проложить путь в клубах тумана, которым нас окутали французы. Тебе известно, насколько они уверены в своем превосходстве. Никогда не могут поверить в то, что постоянно терпят от нас поражения. Нужно обладать немалым высокомерием, чтобы столь продолжительное время не замечать очевидные факты. Каким-то образом им удастся это. Не спрашивай меня как.

Он заметил недоуменное выражение на лице лорда Саффолка.

– У тебя слишком добрая душа для всего этого, Уильям, и это мне в тебе нравится. Но для того, чтобы взять верх над этими содомитами, нужно иметь змеиное жало. Мы согласимся на бракосочетание в Туре, но наш маленький агнец заболеет в последний момент, когда уже будет поздно отменять церемонию. Деваться им будет некуда. Вместо Генриха в Тур поедешь ты, Уильям, чтобы обменяться кольцами и принести брачный обет. Ты женишься на маленькой Маргарите от его имени.

– *Нет*, – твердо произнес Саффолк. – Я уже женат! Разве подобный брак может быть законным? Мне сорок семь лет, Дерри, и я женат!

– Да, ты говорил. Жаль, что я не учел этого. Говоря откровенно, Уильям, я не думаю, что у тебя куриные мозги. Это ведь не более чем представление. Ты выступишь в роли Генриха во время церемонии в Туре, а настоящая свадьба состоится в Англии, после того как Маргарита благополучно доберется сюда. Все законно. Им придется приехать на свадебный банкет туда, куда мы им укажем. У них не будет выбора.

– Кто-то должен будет сообщить об этом девушке, – сказал Уильям.

– Нет, этого мы делать не будем. Если ей скажут об этом до дня свадьбы, у французского короля будет время ее отменить. Теперь слушай, Уильям. Мы посадили этого позолоченного петуха за стол переговоров, и теперь я не позволю ему пойти на попятную. Это единственный способ. Они все узнают в день свадьбы, и церемония пройдет с твоим участием. Разве это не повод нарушить один раз зарок и выпить пива, Уильям? Здесь готовят прекрасные почки. Давай поднимем тост за твою вторую свадьбу, Уильям Поль. Неужели твоя душа не поет, словно жаворонок, при мысли о ней? Моя определенно поет.

Глава 5

Медленно поднимавшееся над ясной линией горизонта летнее солнце освещало высокие стены Виндзора красно-золотистым светом. В окружавшем замок городе постепенно пробуждалась жизнь. Ричард Йорк порядком пропылился и чрезвычайно устал после продолжительной поездки верхом вдоль побережья, но клокотавшая в груди ярость придавала ему силы. Трое сопровождавших его солдат были ветеранами войны во Франции. Это были закаленные в битвах воины, отобранные за внушительный рост и способность наводить страх, облаченные в изношенные кожаные доспехи и кольчуги. Нетрудно было догадаться, зачем герцог взял их с собой в это ночное путешествие. Где-то кому-то понадобилось убить или по меньшей мере запугать кого-то. Солдаты явно упивались ощущением власти, которое они испытывали, следуя за герцогом. Они обменялись восхищенными взглядами, когда их патрон без всяких церемоний миновал два наружных караульных поста замка. Йорк не выносил дураков, и никто не мог остановить его в желании видеть короля этим утром.

Они уже было двинулись в направлении личных покоев короля, как откуда-то донеслись голоса, отдававшие громкие приказы, и топот бегущих в их сторону вооруженных людей, попытавшихся преградить им путь. Солдаты Йорка взяли за рукоятки мечей и лягнули ими в ножнах в предвкушении схватки. Они не прохладались годами в Англии, подобно королевским гвардейцам, и не считали тех достойными противниками.

Герцог пустил лошадь вскачь. Впереди он увидел двух грозного вида копейщиков, несших караул у входных ворот, и, не снижая скорости, подскакал к ним.

– Расступитесь. Я Йорк, и у меня срочное дело к королю.

Напрягшиеся караульные уставились на него. Один из них неуверенно взглянул на напарника и неловко перехватил свое копьё. Его должны были сменить на посту, как только солнце встанет над зубчатой стеной, и он с раздражением взглянул на показавшуюся над ее поверхностью золотую полосу. Еще несколько минут, и он уже находился бы в караульном помещении, поглощая свой завтрак и думая, что там за шум на улице.

– Милорд, мы не имеем приказа пропустить вас, – сказал караульный. Он нервно сглотнул, встретившись взглядом с разъяренным Йорком.

– У меня срочное дело, не терпящее отлагательств. Прочь с дороги, или я прикажу высечь вас!

Едва караульный вновь открыл рот, чтобы возразить ему, как терпение Йорка лопнуло, и он сделал резкий жест рукой. Один из его людей быстро спешил, подошел к караульному, схватил его за горло и толкнул с такой силой, что тот упал, ударившись о ворота. Звук удара отразился звонким эхом от наружных стен замка. Кто-то крикнул: «Тревога!»

Караульный с трудом поднялся на ноги. Его напарник взял копьё на изготовку. Второй человек Йорка шагнул вперед и нанес сокрушительный удар ему в челюсть, после чего караульный вместе с копьём с грохотом покатился по земле. Последовавшие два быстрых удара расквасили нос первому караульному.

Метрах в пятидесяти от них из-за угла выбежала группа гвардейцев во главе с краснолицым сержантом, потрясавшим над головой мечом. Йорк, едва взглянув в их сторону, открыл ворота и вошел в них.

Оказавшись внутри, он остановился и оглянулся.

– Фрэнсис, постой у ворот, – распорядился он. – А вы двое следуйте за мной.

Самый крупный из трех солдат с ухмылкой задвинул засов. Через мгновение ворота содрогнулись от тяжелого удара снаружи. Герцог бросился через комнату в сторону королевских покоев. Он хорошо знал Виндзор и свободно ориентировался в его интерьерах. Пробежав по пустому залу с высоким потолком, он взлетел вверх по лестнице и внезапно замер на месте.

Его люди чуть не натолкнулись на него сзади. Они втроем стояли, тяжело дыша, и Йорк смотрел на Деррихью Брюера, сидевшего на подоконнике низкого каменного окна, выходявшего на обширный охотничий парк Виндзора.

– Доброе утро, ваша милость. Боюсь, король чувствует себя недостаточно хорошо для того, чтобы принимать посетителей, если вам нужен именно он.

– Встань, когда говоришь со мной, Брюер, – резко произнес герцог, пройдя в центр комнаты. Он с подозрением огляделся, словно ища объяснение столь уверенному поведению начальника шпионской службы.

Вздыхнув, Дерри встал с подоконника и зевнул. Снизу донеслись глухие удары. Это гвардейцы таранили входные ворота бревном. Дерри выглянул в окно и увидел беспорядочно бегавших по двору солдат.

– Какая-то суматоха с утра пораньше, ваша милость. Ваша работа, не так ли?

Йорк смотрел на дверь, которая, как ему было известно, вела прямо в королевские апартаменты. Она была заперта. Дерзкая улыбка Дерри явно действовала ему на нервы.

– Я приехал, чтобы увидеться с королем, – сказал герцог. – Иди и объяви обо мне, или я сделаю это сам.

– Нет, я не сделаю этого, Ричард. И вы не сделаете этого тоже. К королю приходят только те, кого он зовет к себе. Он вас звал? Нет? Тогда вы знаете, что вам делать, ведь так?

Лицо Йорка потемнело от злости. Его люди были удивлены, услышав, что лорда назвали по имени. Они оба шагнули в сторону Дерри, и тот повернулся к ним, продолжая загадочно улыбаться.

– Только прикоснитесь ко мне, ребята. Увидите, что с вами будет.

– Подождите, – приказал Йорк. Он не мог избавиться от ощущения, что попал в западню, что что-то не так. Как будто кто-то невидимый следил за ним. Два солдата сверлили свирепыми взглядами Брюера, который нисколько не уступал им в комплекции и ширине плеч.

– Рад видеть, что у вас еще сохранилось кое-что в голове, ребята, – сказал Дерри. – Ворота не продержатся и нескольких секунд. Если бы меня не было здесь, не думаю, что титул вашего хозяина спас бы вас от смерти.

Йорк выругался про себя, вдруг поняв, что Дерри умышленно тянет время. Он направился к дубовой двери, исполненный решимости во что бы то ни стало увидеться с королем.

В тот момент, когда он потянулся к дверной ручке, у него за спиной раздался резкий звук, заставивший его замереть на месте. В дверь на уровне головы вонзилась черная железная стрела.

– Это первое и последнее предупреждение, Ричард, – услышал он голос Дерри. – Следующая пронзит вашу шею.

Обернувшись, герцог увидел, как в противоположном конце зала на пол упала темно-пурпурная портьера, обнажив нишу под потолком, тянувшуюся почти по всему периметру комнаты. В этой нише лежали три человека. Ему были видны лишь их головы, а также страшное оружие. Двое из них целились в него, третий отползал назад, опираясь на локти, чтобы перезарядить свой арбалет. На кончиках нацеленных на него стрел сверкали отблески солнечных лучей.

– Я говорил вам, Ричард. К королю приходят только те, кого он зовет к себе.

Громкий треск внизу возвестил о том, что ворота наконец подались под напором гвардейцев. Солдаты с тревогой взглянули на герцога. От их хорошего настроения не осталось и следа.

– Ребята, *ребята!* – произнес Дерри, приближаясь к ним. – Я уверен, его милость объяснит, что это все недоразумение! Нет-нет, не уходите от меня. Я хочу вам сказать кое-что, прежде чем мы покончим с этим.

Шум внизу нарастал. Все громче звучали голоса гвардейцев.

– На вашем месте я лег бы на пол, – сказал Дерри людям Йорка.

Они тут же рухнули на пол, вытянув руки, дабы продемонстрировать вбежавшим в зал разъяренным краснолицым гвардейцам, что в них ничего нет.

Йорк продолжал стоять, скрестив на груди руки и наблюдая за происходящим с холодным выражением на лице. Он знал, что никто не посмеет его тронуть. Гвардейцы связали лежавших на полу солдат и обратили взоры к Дерри, словно ожидая от него дальнейших распоряжений.

– Так-то лучше, Ричард, – сказал Брюер. – Ведь правда лучше? Я думаю, да. Не хочу нести ответственность за то, что разбудил короля, если мы уже его не разбудили. Как насчет того, чтобы выйти на улицу? Тихо-тихо, как мыши.

Герцог прошел сквозь толпу собравшихся гвардейцев к лестнице. Никто не преградил ему путь. То, как гвардейцы подняли своих пленников и, стараясь не шуметь, понесли их к выходу, выглядело, по крайней мере на взгляд Дерри, довольно комично.

Йорк не задержался у тела своего самого могучего солдата, Фрэнсиса, лежавшего у разбитых ворот в луже крови с перерезанным горлом. Он просто перешагнул через него, не удостоив даже взглядом. Связанные пленники застонали от страха, увидев, что случилось с их товарищем, да так громко, что один из гвардейцев наклонился и с силой ударил ближайшего к нему по лицу.

После сумрака зала солнце светило особенно ярко. Дерри вышел во двор последним, и к нему тут же подошел сержант с густыми седыми усами, которого буквально трясло от гнева. Дерри ответил на его приветствие:

– Все в порядке, Хоббс. Твои люди заслужили по пинте пива.

– Я хочу вас поблагодарить за предупреждение, – сказал сержант, бросив злобный взгляд на Йорка, который стоял чуть поодаль, наблюдая за ними. Независимо от чинов и титулов, на сержанте лежала личная ответственность за безопасность Виндзора, и он был взбешен этим наглым вторжением.

– Это моя работа, Хоббс, – возразил Дерри. – Тебе нужно лишь убрать мертвеца. Думаю, своей цели мы добились.

– Вам виднее, сэр. Но я с ужасом думаю, как далеко ему удалось проникнуть. Я все же подам официальную жалобу, если вы не возражаете, сэр. Это просто неслыханно, и король непременно должен узнать о случившемся.

Эта тирада предназначалась для ушей герцога, но тот выслушал ее, не выражая никаких чувств.

– Отнесите этих связанных цыплят в караульное помещение, Хоббс. Я хочу переговорить с ними, прежде чем их отправят обратно на корабль. И с его милостью я разберусь сам.

– Хорошо, сэр. Благодарю вас, сэр.

Бросив на Йорка прощальный взгляд, который мог бы расплавить железо, старый сержант увел своих гвардейцев. Дерри и герцог остались вдвоем.

– Интересно, Брюер, сможешь ли ты уцелеть, имея такого врага, как я, – сказал Йорк. Его лицо уже утратило багровый румянец, но в глазах все еще сверкали злые огоньки.

– О, смею сказать, что смогу. Я знаю множество гораздо более опасных людей, надутый вы индюк.

Поблизости никого не было, и Дерри сбросил маску добродушного шутника. Он смотрел на своего собеседника с откровенной угрозой.

– Вам следовало оставаться во Франции и выполнять приказы вашего короля. – Дерри ткнул пальцем ему в грудь.

Йорк в ярости сжал кулаки, но знал, что Дерри сотрет его в порошок, почувствовав малейшую угрозу. Всем было хорошо известно, что начальник тайной службы короля регулярно участвует в кулачных боях в Лондоне. Он сам позаботился о том, чтобы этот слух стал достоянием его врагов.

– А *его* ли это были приказы? – прошипел Йорк. – Заключить перемирие, оставаться в Нормандии и присутствовать на церемонии бракосочетания короля? Я командую армией, Брюер. И мне до сих пор никто ничего не говорил. Кто защитит короля, если я останусь в Кале? Ты подумал об этом?

– Приказы были подлинными? – спросил Дерри с невинным видом.

Йорк презрительно усмехнулся:

– С печатями все было в порядке, как тебе наверняка известно, Брюер. Я бы не удивился, если бы узнал, что ты сам прикладывал руку к расплавленному воску. Я не единственный, кто считает, что ты имеешь слишком большое влияние на короля. У тебя нет ни настоящего чина, ни титула, и тем не менее ты отдаешь приказы от его имени. Кто может подтвердить, что они действительно исходили от короля? И если ты еще раз ткнешь в меня пальцем, будешь болтаться на виселице.

– У меня мог бы быть титул, – возразил Дерри. – Король уже предлагал мне его, но я решил, что в данный момент меня вполне устраивает мое положение. Может быть, я уйду на покой герцогом Йорком, кто знает?

– Тебе никогда не влезть в мои башмаки, Брюер. Тебе никогда не влезть даже в мой гюльфик. Ты безродный выскочка... – Герцог не закончил фразу, поскольку Дерри расхохотался ему в лицо:

– В ваш гюльфик! Хорошая шутка. А теперь почему бы вам не вернуться на ваш корабль? Вам надлежит присутствовать на свадьбе короля через месяц. Я не хочу, чтобы вы пропустили ее.

– И ты там будешь? – спросил Йорк, бросив на него испытующий взгляд.

От Дерри не ускользнул скрытый смысл этого вопроса. После того как он подверг герцога Йорка унижению в Виндзоре, можно было только догадываться, что тот может предпринять в отношении Брюера во Франции.

– Как я могу упустить такую прекрасную возможность? – ответил Дерри.

Йорк задумчиво улыбнулся:

– Со мной будет моя личная гвардия, Брюер. Сии замечательные приказы не запрещают мне этого. Поскольку на дорогах хозяйничают разбойники, я не буду чувствовать себя в безопасности без сопровождения не менее тысячи, а может быть, и более человек. Тогда я и поговорю с королем. Интересно, догадывается ли он о том, какую игру ты ведешь?

– Увы, я лишь орудие королевской воли, – ответил Дерри с ухмылкой, за которой скрывался страх перед этой откровенной угрозой. – Мне кажется, король хочет получить несколько лет мира и жену, но колеблется. Вы так не считаете?

– Ты и этот подхалим Саффолк меня не проведете. Что бы вы ни предлагали французам, что бы вы ни замыслили, у вас ничего не выйдет! В том-то и беда. Неужели ты думаешь, что, если мы предложим французам перемирие, они оставят нас в покое? Они решат, будто мы пошли на это потому, что чувствуем свою слабость. Даже если перемирие будет заключено, война начнется еще до окончания лета, понимаешь ли ты это, тупица несчастный?

– Я испытываю сильное искушение сбить вас с ног, ваша милость, хотя и рискуя навлечь на себя тем самым гнев короля, – сказал Дерри, вплотную приблизившись к своему собеседнику. – Дайте мне несколько секунд, чтобы взвесить все «за» и «против». Я с удовольствием сломал бы ваш тонкий нос, но вы все-таки герцог и пользуетесь определенной защитой, даже после того, что учинили сегодня в замке. Разумеется, я могу сказать, что вы споткнулись и упали, когда вас преследовали гвардейцы.

– Говори, что хочешь, Брюер. Твои угрозы не пугают меня. Мы еще увидимся во Франции.

– Ах, так вы уезжаете? Очень хорошо. Спустя некоторое время я пришлю ваших людей. И буду с нетерпением ожидать продолжения нашей беседы на свадьбе.

Йорк направился к главным воротам замка. Дерри наблюдал за ним с задумчивым выражением на лице. Дело оказалось сложнее, нежели он рассчитывал. Он узнал о приезде герцога еще два дня назад, и нужно было предупредить об этом караульных. Йорк не должен был проникнуть внутрь замка, не говоря уже о двери, ведущей в королевские покои. Когда это случилось, Генрих все еще молился в часовне, но герцог не располагал этой чрезвычайно важной информацией.

Дерри быстро прокрутил в памяти содержание разговора. Ничего страшного. Такой человек, как Йорк, попытался бы убить его только за ту сцену, которая произошла перед дверью в королевские покои. То, что Дерри усугубил ситуацию оскорблениями и угрозами, не имело значения. Хуже быть уже не могло. Он тяжело вздохнул. Так или иначе, ни в коем случае нельзя было позволить возмущенному герцогу встретиться с королем. Йорк уговорил бы Генриха согласиться на что угодно, и все их труды пошли бы насмарку. Еще утром Дерри знал, что это будет тяжелый день. Все его ожидания оправдались. Интересно, подумал он, много ли у него шансов выжить во время свадьбы в Туре. Нужно сделать все необходимые приготовления на случай, если он не вернется оттуда.

Ему вспомнилось, что старый Бертл не раз делал то же самое. Его предшественник в должности главного шпиона пережил три попытки отравления, а однажды на него в собственной комнате напал вооруженный кинжалом человек. «Это часть работы», – не раз говорил он. У деятельного, толкового человека всегда есть враги. Если деятельный, толковый человек служит королю, у него враги высокого качества. Дерри с улыбкой вспомнил, с каким смаком старик произносил эти слова.

«Взгляните на его одежду, ребята. Взгляните на его нож! *Высокое качество*, ребята, – сказал он им, показывая на тело, найденное в его комнате. – С каким уважением они ко мне относятся, раз подослали столь утонченного джентльмена!»

Бертл, может быть, и был старым подонком, но Дерри он понравился с самого начала. Их объединяло то, что обоим доставляло удовольствие заставлять плясать под свою дудку людей, которые даже не подозревали, что все их решения принимаются за них другими. Бертл считал это тонким искусством. Для Дерри, только что вернувшегося с войны из Франции, это было все равно что вода для измученной жаждой души.

Дерри сделал глубокий вдох и почувствовал, как к нему возвращается умиротворение. Когда Бертл созывал шестерых своих лучших людей и наделял одного из них своими полномочиями, было ясно, что ему предстоит серьезное дело и что он может не вернуться оттуда, куда забросят его судьба и служебная необходимость. Каждый раз это был другой человек, дабы они не знали, кого он в действительности выбрал своим преемником. Однако старик умер в собственной постели, во сне. Дерри поручил трем врачам проверить, не отравили ли его шефа, чтобы быть уверенным в том, что ему не нужно искать убийцу.

Окончательно успокоившись, Дерри двинулся в сторону караульного помещения, сжимаемая и разжимая кулаки. Будет совсем не лишним задать двум солдатам трепку, подумал он. Для этого у него было подходящее настроение.

Взошедшее на ясном небе солнце, уже успевшее прогреть воздух, сулило прекрасный летний день. Маргарита поднялась с постели еще до рассвета. Она не была уверена, что спала вообще, поскольку долго лежала в душной темноте, пытаясь представить себе своего будущего мужа и испытывая при этом безотчетный страх. Ее четырнадцатый день рождения, минувший несколько месяцев назад, остался почти незамеченным – всеми, кроме нее, да и она запомнила его в основном потому, что на следующее утро впервые заметила кровь на своей нижней юбке. Она с ужасом рассматривала себя, когда принимала ванну при свете ночной лампы. Горничная сказала ей, что теперь это будет случаться каждый месяц и в течение нескольких дней ей придется подкладывать в нижнее белье куски материи. Для нее это стало символом многочис-

ленных перемен, происходивших с ее телом. У нее заметно увеличились груди, и она сжимала их так, что между ними возникала ложбинка.

Замок давно прогрузился в сон. Последние несколько месяцев золото текло сквозь пальцы ее отца рекой. Он набрал огромный штат прислуги и даже выписал из Парижа модных портных, чтобы они преобразили его худенькую дочь. Швей трудились днем и ночью, изготавливая наряды для нее, а также для Иоланды и трех кузин, приехавших с юга, которые должны были сопровождать ее во время брачной церемонии. У Маргариты они вызывали раздражение, поскольку постоянно прихорашивались и хихикали безо всякого повода. Вплоть до этого самого утра ей казалось, что свадьба еще не скоро. Она совершенно не ощущала течения времени и теперь не могла поверить, что сегодня выходит замуж за короля Англии. Как же все-таки он выглядит? Этот вопрос приводил ее в такой ужас, что она не осмеливалась произнести его вслух. Все говорили, что его отец был мужланом, дикарем, говорившим по-французски как простолюдин. Что, если и сын такой же? Она попыталась представить себя в могучих объятиях англичанина, но воображение подвело ее. Это казалось ей слишком странным.

– Доброе утро, мой... муж, – медленно произнесла она. По словам ее старой гувернантки, по-английски она говорила хорошо. Маргарита покраснела при мысли, что король Генрих может принять ее за дуру.

Она подошла к зеркалу и нахмурилась, увидев спутанные каштановые волосы.

– Я беру тебя в мужья, – пробормотала девушка. Ей было известно, что это последние моменты ее одиночества. Как только служанки услышат, что она встала, они стаей ворвутся к ней в комнату и примутся одевать и наряжать ее. При мысли об этом она затаила дыхание и прислушалась, не доносятся ли снаружи шаги.

Когда раздался стук, Маргарита обернулась простыней и быстро подошла к двери.

– Кто там? – спросила она. Солнце лишь едва поднялось над горизонтом. Было еще очень рано.

– Это я, Иоланда, – услышала она. – Мне не спится.

Маргарита впустила сестру и осторожно закрыла дверь.

– Я, кажется, спала, – прошептала Маргарита. – Мне приснился странный сон, значит я, должно быть, ненадолго заснула.

– Ты волнуешься? – Иоланда смотрела на нее с восторженным любопытством, и Маргарита еще больше закуталась в простыню.

– Ужасно боюсь. Вдруг я ему не понравлюсь? Вдруг перепутаю слова и кто-нибудь засмеется? Там ведь будет король, Иоланда.

– Два короля! – возразила Иоланда. – И половина всех аристократов Франции и Англии. Это чудесно, Маргарита! Мой Фредерик тоже будет там!

Она вздохнула, взмахнув полкой своей ночной рубашки поверх каменного пола.

– Я знаю, он очень симпатичный. Я бы вышла за него замуж в этом году, если бы не твоя свадьба. Но ради бога, Маргарита, не думай, будто я под этим что-то подразумеваю. Ради такого случая я готова подождать. По крайней мере, отец восстановил часть богатства, которое мы потеряли. Если бы я выходила замуж в прошлом году, это была бы бедная свадьба. Надеюсь, он отложил достаточно денег для нас с Фредериком. Я буду графиней, Маргарита, а ты – королевой. Хотя только Англии, но все же королевой. Сегодня! – Иоланда задыхнулась от восторга. – Ты станешь королевой сегодня, Маргарита! Ты в состоянии осознать это?

Маргарита улыбнулась, но улыбка моментально сползла с ее лица, когда из коридора донеслись звуки шагов.

– Они идут, Иоланда. Черт возьми, я еще не готова.

– Черво... зи?

– Это английская поговорка. Меня ей научил Жан. *Черт-возь-ми*. Он сказал, это ругательство, как «*sacré bleu*».

Иоланда воззрилась на сестру:

– Черт возьми, мне это нравится!

Дверь открылась, и комната заполнилась слугами, которые принесли с собой ведра с горячей водой, а также всевозможные средства и инструменты для ухода за волосами и кожей. Маргарита покраснела, смирившись с тем, что в течение нескольких часов ей придется терпеть неудобства, прежде чем она сможет предстать перед публикой.

– Черт возьми, – еще раз вполголоса произнесла Иоланда, глядя на поднимающуюся суматоху.

Глава 6

Солнце уже село, а Дерри все еще трясся в повозке, ехавшей по разбитой дороге, изрыгая ругательства каждый раз, когда колесо попадало в выбоину и его бросало из стороны в сторону. Он находился в пути уже восемнадцать дней, стараясь, по мере возможности, путешествовать на лошадях, и стук копыт ему давно осточертел. Он не расслабился ни на секунду после разговора с герцогом Йорком, поскольку воспринял его угрозу со всей серьезностью. Его согладатаи и шпионы, входившие в сеть, которая действовала в районе крепости Кале, сообщали неутешительные новости. Люди герцога не скрывали, что жаждут встречи с Дерри Брюером. Правда, с профессиональной точки зрения ему было интересно оказаться по другую сторону своей обычной деятельности – в роли преследуемого, а не кукловода. Не добавляла оптимизма и дюжина блошиных укусов на спине, которые он расчесал в кровь.

Подобно сотням других путешественников, ехавших из Нормандии на юг, чтобы поглазеть на королей, Дерри заплатил несколько монет за место в повозке, отказавшись от мысли добраться до Анжу быстро. В многолюдном порту Кале он сравнительно легко ускользнул от людей Йорка. Дороги, ведущие на юг, в Анжу, были более подходящим местом для поиска одиночного путешественника без суеты и свидетелей. Если ему суждено увидеть следующий закат, то это случится уже после свадьбы. За все время в пути Дерри ни разу не отважился остановиться на постоялом дворе. Не было ничего проще, чем найти и схватить его спящим. Поэтому он ночевал в канавах и конюшнях, пропитавшись за две с половиной недели соответствующим запахом. Перемещался Дерри со скоростью, не намного превышавшей скорость пешехода. Он вел счет дням и знал, что свадьба должна была состояться на следующий день. Странное дело, ему было едва ли не мучительно сознавать, что он почти на месте. Он чувствовал, как с каждой милей вокруг него затягиваются сети, расставленные Йорком.

Дерри вытер грязной рукой лицо, подумав при этом, что он больше похож на крестьянина, чем большинство настоящих крестьян. На его глаза была надвинута старая соломенная шляпа, а одежда оставалась нестираной с самого начала путешествия. Он использовал этот маскарад и прежде, полагаясь на несвежий запах и грязь как на средства обеспечения безопасности.

Трясаясь в повозках, он неоднократно видел пронесившихся мимо всадников в ливреях герцога. Дерри избегал вытягивать шею и смотреть на них, как это обычно делали крестьяне. Люди с холодным, пристальным взглядом всматривались в каждого, кто встречался им на пути, в поисках главного шпиона короля.

На случай, если они найдут его, Брюер приготовил бритву. Это была полоска благороднейшей стали шириной в палец с рукояткой из панциря черепахи. Он предпочел бы погибнуть в схватке, нежели подвергнуться мучениям на глазах самодовольного Йорка. Но люди герцога не останавливались при виде очередного неопрятного крестьянина, сидящего на задней скамье повозки.

На первый взгляд такое положение могло бы показаться унижительным, но Дерри получал от этой игры удовольствие. Он считал, что именно эта его особенность привлекла внимание старого Бертла, когда Дерри был всего лишь информатором и бывшим солдатом в порванных на коленях штанах. В те времена Дерри содержал небольшой бойцовский ринг в лондонских трущобах и имел неплохие деньги, делая ставки или просто определяя заранее, кто из бойцов должен победить, а кто проиграть.

Он встречался с Бертлом лишь однажды до того, как старик как-то раз заглянул к нему на бой. Облаченный в пропыленные черные одежды, он заплатил пенни за место и внимательно следил буквально за всем: от сигналов пальцами, которые Дерри делал бойцам, до записей ставок, производимых мелом на доске. Когда зрители потянулись к выходу, старик пробрался

к Дерри, раздававшему четверым или пятерым бойцам с разукрашенными синяками лицами причитавшиеся им доли. Узнав Бертла, Дерри велел своим парням пропустить его. Было уже за полночь, когда в складском помещении были устранены все следы боев. Его хозяин не догадался бы о том, что здесь происходило, если бы только не обнаружил пятна крови, засыпанные свежими опилками, но даже тогда это не имело бы значения, поскольку они никогда не использовали дважды одно и то же помещение.

Дерри заметил, с каким удовольствием Бертл общается с любителями азартных зрелищ. В конце концов все разошлись, и они остались вдвоем.

– И что же тебе нужно, хрен старый? – спросил его Дерри. Он хорошо помнил, как на лице Бертла медленно расплылась ухмылка. Это был невысокий, крепко сбитый пожилой мужчина, немало повидавший на своем веку и вышедший с честью из множества передраг.

– Жульничаем понемногу, сынок? – сказал Бертл.

– Каждый выживает как может.

– Значит, ты занимаешься этим ради денег? Честно зарабатываешь на хлеб?

– Человек должен что-то есть, – ответил Дерри резко.

Бертл лишь ждал, приподняв бровь. Дерри все еще помнил радость, появившуюся на лице старика, когда он наконец ответил честно. Прошло много лет, но он до сих пор не понимал, почему в тот вечер так разоткровенничался.

– Ладно, старый черт, я занимаюсь этим ради удовольствия. Кто бы ни победил, выигрываю *всегда* я. Понятно?

– Понятно. Зайди ко мне завтра, Дерри Брюер. У меня может оказаться для тебя работа. Дело вполне стоящее.

Сказав это, старик растворился в ночи. Дерри в недоумении смотрел ему вслед. Сначала он сказал себе, что, конечно, не пойдет, но потом любопытство взяло верх.

Дерри отогнал воспоминания прочь. Сейчас, когда он трясся в повозке, которую тащил за собой шедший иноходью бык, ему было о чем поразмыслить. Он продумал множество вариантов фразы, с которой обратится к герцогу во время свадьбы. Разумеется, после того, как найдет место, где можно помыться и переодеться. В грязном мешке, на котором он сидел, лежала аккуратно сложенная одежда, которая должна была преобразить его, если, конечно, ему повезет добраться до места назначения живым. Интересно, что думал погонщик о странном пассажира, который, казалось, не мог позволить себе обед, но при этом платил серебром за езду ночью. Дерри улыбнулся, бросив взгляд на широкую спину погонщика. После заката дорога стала свободной, и они ехали быстрее, чем днем, поскольку ему нужно было спешить, чтобы прибыть вовремя. Он задремал, укачанный мерными колебаниями повозки, и проснулся лишь однажды – от громкого, словно трубный глас Страшного суда, звука выпущенных быком газов. Дерри не смог удержаться от смеха над глупостью ситуации, в которой оказался.

Небо на востоке постепенно светлело, приобретая различные, сменяющие друг друга серые оттенки, и наконец над горизонтом показался краешек пылающего солнечного диска. Дерри доводилось бывать в Анжу несколько раз, во время путешествий, когда он собирал отчеты у своих людей и выдавал им задания. Ему было известно, что около месяца назад там судили и казнили какого-то еврея-ростовщика, и он что-то слышал о долгах Рене Анжуйского. Брюеру нравилось, с какой безжалостностью этот человек обеспечил свое положение, но к его состоянию стоило присмотреться повнимательнее. До тех пор, пока Рене не начнет получать ренту с земель Анжу и Мэна, его позиция будет уязвимой. Пара сгоревших лавок, посыпанное солью поле со сгнившим впоследствии урожаем – возможностей было множество. Если оказать на Рене небольшое давление, он обратится к мужу своей дочери за ссудой, и тогда у них будет свой агент влияния при французском дворе. Разумеется, все это могло бы случиться, если Дерри останется в живых. Лорды Саффолк и Сомерсет имели инструкции на случай, если он не появится на свадьбе, но это служило ему слабым утешением.

Когда наступил рассвет, погонщик настоял на том, что ему нужно отдохнуть, а перед этим накормить и напоить быка, который вез их два дня без перерыва. Дерри уже видел двойную башню кафедрального собора в Туре, высившуюся в отдалении над полями. До нее оставалось не более пяти миль. Тяжело вздохнув, он спрыгнул с повозки и немного размялся. К счастью, дорога в обоих направлениях была совершенно пустой. Дерри подумал, что все, кто хотел увидеть свадьбу, уже прибыли на место. Он один все еще в пути – ну и, возможно, люди герцога, продолжавшие его поиски.

Едва успев подумать об этом, он увидел в отдалении облако пыли и, не раздумывая, бросился в поле и прыгнул в траву высотой почти в человеческий рост.

– Три серебряных денье, если ничего не скажешь! – крикнул он по-французски, стараясь как можно глубже зарыться в траву. Лорд Саффолк наверняка удивился бы, услышав, насколько хорошо Дерри говорит на этом языке.

– Одиннадцать, – отозвался погонщик, поднося мешок с сеном к слюнявой морде быка. От негодования Дерри даже привстал:

– Одиннадцать! За такие деньги ты мог бы купить еще одного быка, ублюдок!

– Одиннадцать, и точка, – упрямо повторил погонщик, не поворачивая головы. – Они приближаются, мой славный английский лорд.

– Я не лорд, – проворчал из травы Дерри. – Одиннадцать так одиннадцать.

Солнце уже встало, и дорога была каждая минута. Он не мог сделать ни шагу в направлении кафедрального собора, пока всадники были поблизости. Конечно, он мог бы передвигаться ползком, но, если бы они увидели с высоты седла, что трава шевелится, для Дерри Брюера все было бы кончено. Он остался на месте, стараясь не обращать внимания на мух и кузнечиков, ползавших по нему и летавших вокруг его головы с назойливым жужжанием.

Услышав стук копыт и дребезжание упряжи, он пригнул голову к земле. Они были настолько близко, что ему казалось, будто он мог бы дотянуться до них рукой. Один из них говорил на ужасном французском языке с чудовищным английским акцентом, задавая вопросы погонщику. Когда тот ответил, что никого не видел, Дерри вздохнул с облегчением. Всадники не стали тратить слишком много времени на очередного крестьянина в повозке, запряженной быком, и поспешили вперед. Вскоре воцарилась тишина, и Дерри вновь услышал пение птиц и жужжание пчел. Поднявшись на ноги, он проводил глазами кавалькаду, двигавшуюся в направлении Тура, куда он сам так стремился.

– Одиннадцать денье, – напомнил ему погонщик, протянув похожую на лопату ладонь.

Дерри нахмурился, но достал из кармана монеты, отсчитал указанное количество и отдал крестьянину.

– Кое-кто назвал бы это грабежом, – заметил он.

Погонщик лишь пожал плечами и улыбнулся. Он повернулся к повозке и поэтому не видел, как Дерри достал из мешка дубинку. Получив удар по затылку, погонщик зашатался. Дерри ударил его еще раз, теперь уже по темени, и с удовлетворением проследил, как тот медленно опускается и наконец всей своей огромной массой валится на землю.

– И они были бы не правы, – сказал Дерри, обращаясь к бесчувственному телу. – Это было соглашение, заключенное в чрезвычайных условиях. А *вот это* уже грабеж.

Он забрал монеты и кинул взгляд на дорогу, ведущую в Тур. Бык медленно жевал сено и смотрел на него сквозь длинную бахрому ресниц, сделавших бы честь любой красавице. Повозка была слишком медленным транспортом. Дерри ничего не оставалось, кроме как пробежать оставшиеся несколько миль.

Предоставив погонщика его собственной судьбе, Дерри помчался в сторону города, но вскоре остановился, выругался и повернул назад. Погонщик уже начал приходить в себя и тихо стонал.

– У тебя в голове, должно быть, вместо мозгов сплошная кость, – сказал Дерри.

Он отсчитал три серебряные монеты, вложил погонщику в ладонь и сжал пальцы в кулак.
– Это потому, что ты напомнил мне моего старого отца, а вовсе не потому, что во мне заговорила совесть, – пробормотал он. – Все в порядке?

Погонщик открыл один глаз и посмотрел на него затуманенным взором.

– Значит, все в порядке, – констатировал Дерри.

Сделав глубокий вдох, он побежал.

Маргарита едва осмеливалась шевелиться в своем новом платье. Она испытывала зуд и ощущала себя в нем очень непривычно, словно ее обшили досками. И все же она не смогла бы отрицать, что в длинном зеркале оно выглядело восхитительно. Все его открытые части были расшиты жемчужинами, которые звенели всякий раз, когда она двигалась. Ее вуаль была не толще паутинки, и сквозь нее было отлично видно все вокруг. У нее не было возможности наклониться, чтобы рассмотреть свои великолепные атласные туфли. Казалось, ее ноги находились где-то далеко внизу и принадлежали кому-то другому, а от нее осталась лишь голова, венчавшая многочисленные складки белой ткани. Жара усиливалась, и служанка обмахивала девушку веером, чтобы она не вспотела.

Когда Маргарите позволили выйти на свежий воздух, на ее щеках играл румянец. От замка Сомюр до кафедрального собора в Туре было добрых сорок миль, и во дворе ее ждала большая карета, сверкавшая полировкой и новой черной краской, запряженная двумя коричневыми меринами с блестящей шерстью. Над открытыми сиденьями был сооружен навес с балдахином, чтобы защищать ее в пути от пыли.

Из главного здания вышла мать Маргариты. На ее лице отчетливо читалась гордость в сочетании с напряжением. Маргарита неловко стояла, пока служанки возились с ее платьем, подбирая и подтыкая его, чтобы она могла сесть.

– Держи голову прямо, не сутулься, – наставляла ее мать. – Сегодня ты воплощаешь собой достоинство семьи, Маргарита. Не заставляй нас стыдиться. Иоланда! Помоги сестре.

Иоланда бросилась к Маргарите и подхватила полы ее платья, чтобы они не волочились по камням. Незнакомый лакей помог ей подняться на подножку. Тяжело дыша, она нырнула внутрь кареты и почти упала на скамью. Севшая рядом с ней Иоланда принялась расправлять шлейф ее платья, дабы он не слишком помялся. У въездных ворот стояла еще одна карета, и казалось, все, кто находился в замке, вышли проводить ее. Маргарита старалась дышать ровно, и у нее кружилась голова от того, как платье сдавливало ее тело. Оно было таким тугим, что не позволило бы ей сутулиться, даже если бы она нарочно постаралась. Она помахала рукой слугам, которые приветствовали ее, выстроившись в две шеренги. Ее взгляд упал на служанку, на которую она натолкнулась, когда бежала по двору перед визитом короля. Молодая женщина улыбалась со слезами на глазах и махала платком. По сравнению с той маленькой девочкой, какой она была тогда, сейчас Маргарита казалась себе разодетой куклой.

Иоланда была в восторге.

– Это просто невероятно, – сказала она, вертя головой. – И все это ради тебя! Ты рада?

Единственным ощущением, которое испытывала Маргарита, была тревога, и вместо ответа она соорудила скорбную мину. Ведь она собиралась выйти замуж за молодого человека, которого никогда в жизни не видела. Интересно, подумалось ей, нервничает ли тоже этот английский Генрих? Она почему-то сомневалась в этом. Ее будущий муж был королем и наверняка привык к торжественным церемониям.

Два лакея в начищенных до блеска черных башмаках и безупречно чистых ливреях встали на подножки по обе стороны кареты. Теоретически они должны были защищать ее от бандитов с большой дороги, хотя какая-либо реальная опасность отсутствовала. Кучер – крупный мужчина с румянцем во всю щеку – церемонно поклонился девушкам, прежде чем занять свое место и взять кнут.

Обе кареты тронулись одновременно – совершенно неожиданно для Маргариты. Стены Сомюра медленно поплыли мимо. Она повернулась и в последний раз помахала рукой матери. Ее отец и братья уехали в Тур еще вчера. Сегодняшнее утро было отдано женщинам, но оно наступило и закончилось так быстро, что она не успела осознать это. Часы, прошедшие с момента ее пробуждения, сжались в мгновения, и у нее возникло непреодолимое желание крикнуть кучеру, чтобы он остановился. Она принялась судорожно вспоминать то, что ей было необходимо помнить.

Мать подавала какие-то знаки пассажирам второй кареты. Теперь ее внимание сосредоточилось на шумной компании кузин Маргариты и на многочисленных хлопотах по подготовке Сомюра к свадебному банкету. Откинувшись назад, девушка увидела еще две кареты, которые должны были доставить гостей в Тур. Возглавлявшая процессию карета с невестой и ее сестрой поехала по дороге, трясясь на ухабах, под аккомпанемент щелчков кнута и причмокивания кучера, заставлявшего лошадей двигаться слаженно. Маргарита вздохнула полной грудью, с удовольствием подставив лицо потоку свежего воздуха. Им предстояло провести в пути несколько часов. Она впервые ощутила приятный трепет предвкушения.

Когда карета покинула пределы Сомюра через северные ворота, дорога расширилась. Девушки с благоговейным страхом взирали на толпы, стоявшие стеной вдоль обочин. Никто не потрудился сообщить Маргарите, как много людей собралось посмотреть на нее. И французы, и англичане вытягивали шеи, радостно махали ей шапками и выкрикивали ее имя. Маргарита от смущения заливалась румянцем, отчего выглядела еще краше.

– Черт возьми! – восхищенно произнесла Иоланда. – Как здорово!

Стоя перед кафедральным собором, Саффолк прилагал все усилия, чтобы скрыть тревогу. Он неотрывно смотрел на двойную башню, словно нашел в ней что-то интересное, и делал вид, будто чувствует себя совершенно непринужденно. Новые брюки и жакет вызвали зуд в теле, хотя ему казалось, что он выглядит стройнее, чем обычно. Ему приходилось все чаще вытирать с лица пот, поскольку в плаще с меховой оторочкой с каждым часом становилось все жарче. Английская манера облачаться в многослойные одежды представлялась явно неуместной в летней Франции, но он заметил, что французы одевались почти так же тепло и лица у них были не менее красными, чем у английских аристократов, уже выпивших изрядное количество крепленого вина.

Саффолк с завистью наблюдал за стройным, подтянутым Йорком, когда тот, протиснувшись сквозь толпу, остановился, чтобы отдать распоряжение одному из своих солдат. Герцог привез с собой гораздо более многочисленную личную охрану, чем все остальные английские лорды, вместе взятые. Однако она все равно уступала по численности французским солдатам, вставшим лагерем в окрестностях города.

Солдат отсалютовал Йорку и поспешно удалился – по всей видимости, выполнять какое-то поручение. Сцепив руки за спиной, Саффолк притворялся, что очарован великолепием готических башен и каменных барельефов. Он пожалел, что с ним нет жены, но Алиса с возмущением отвергла предложение отправиться на его свадьбу с четырнадцатилетней французской принцессой. По словам жены, ее присутствие здесь явилось бы вызовом церкви.

Гораздо большим вызовом, подумал Саффолк, явилась бы резня, которая могла произойти при малейшей провокации. Люди Йорка старательно не замечали французских солдат, в то время как их хозяева-аристократы прогуливались и оживленно общались друг с другом. Саффолк знал, что французы готовились занять Анжу и Мэн сразу после завершения брачной церемонии. Ему очень хотелось сказать об этом Йорку, особенно после того, как он заметил, что тот обменивается многозначительными взглядами со своими людьми. Йорк считал, что его осторожность оправдана присутствием такого количества французских войск. Во время их короткой беседы в церковном дворе Йорк, не знавший о том, что король не придет, язвы

тельно поинтересовался у Саффолка, смогут ли, по его мнению, несколько гвардейцев защитить Генриха. Саффолк лишь неуверенно пробормотал, что обстановка спокойная и опасаться нападения не следует.

Ситуация складывалась угрожающая, и нервы у Саффолка были натянуты до предела. Две армии стояли друг против друга. Стоило какому-нибудь идиоту неудачно пошутить или решить, что ему нанесено оскорбление, и никакая сила на земле и на небесах не смогла бы предотвратить столкновение. Саффолк в очередной раз вытер платком лицо.

Говоря какие-то банальности одному из гостей, Саффолк заметил, что Йорк направляется к нему через церковный двор.

– Ну давай же, Дерри, – пробормотал Саффолк по-английски, вызвав недоуменный взгляд ближайшего к нему французского аристократа. – Ты мне так нужен здесь. Давай же.

Он встретил герцога улыбкой:

– Ричард! Какой сегодня замечательный день, словно по заказу! Есть известия от короля?

Йорк мрачно взглянул на него:

– Я хотел задать вам тот же самый вопрос, Уильям. У меня нет сведений из портов о том, что он вообще отплыл. Вы видели Дерри Брюера?

– Пока нет. По всей вероятности, он находится с королем. Думаю, они прибудут вместе.

Йорк нахмурился, бросив взгляд на толпу представителей английских и французских аристократических семейств, нежившихся в лучах солнца.

– Ничего не понимаю. Если только у него не выросли крылья, он должен уже быть на подъезде сюда. Мои люди не могли не заметить, как королевская свита проезжает через Кале, но я ничего не слышал.

– Они могли опередить гонцов, Ричард. Вы не думали об этом? Я уверен, они прибудут вовремя.

– Наверняка это дело рук Брюера, – резко произнес Йорк. – Тайные маршруты и всевозможные уловки. Как будто даже лорды короля не заслуживают доверия. Ваш друг Брюер будет выглядеть полным дураком, если королевская свита попадет в засаду и Генриха захватят в плен, пока мы прохлаждаемся здесь в праздничных нарядах.

– Ничего подобного быть не может, я в этом уверен. Дерри просто старается оградить короля от опасности, как и все мы.

– Я не успокоюсь до тех пор, пока он благополучно не женится и не отправится домой. Вы видели, сколько здесь французских солдат? Это очень опасно, Уильям. У меня мало людей, и если французы предпримут внезапное нападение, они долго не продержатся.

– Наверняка они здесь только для того, чтобы охранять короля Карла и его лордов, – нервно ответил Саффолк, сам не веря своим словам.

Он страшился того момента, когда вскроются все детали брачного соглашения. Ему оставалось лишь надеяться на то, что французский король не станет устраивать представления из передачи земель. Впрочем, зная французов, Уильям де ла Поль догадывался о тщетности этой надежды.

– Город напоминает военный лагерь, и французского короля до сих пор нет, – сказал Йорк. – Я не понимаю, что происходит, Уильям. Заклинаю вас, скажите, я беспокоюсь напрасно?

– Я... я ничего не могу сказать вам, Ричард.

Глаза герцога сощурились.

– *Не можете?* От меня что-то утаили. Мне нужно знать, Уильям, входит ли в мою задачу защита короля Англии на французской земле. Вы меня понимаете? Я не хочу оказаться захваченным врасплох, если существуют какие-то планы, о которых мне совершенно ничего не известно. Черт бы подрал этого Дерри! Скажите, лорд Саффолк, что от меня утаили?

С запада до их слуха донесся громкий гул. Саффолк с облегчением повернул голову, утирая лицо.

– Кто это? – произнес он. – Явно не невеста. Может быть, французский король?

– Или король Генрих, – отозвался Йорк, устремив на него пристальный взгляд.

– Да-да, конечно, – сказал Саффолк, покрываясь потом. – Возможно, это подъезжает Генрих. Я, пожалуй, пойду посмотрю, если не возражаете.

Йорк смотрел вслед пожилому лорду, который неуверенно двинулся прочь. С отвращением на лице он тряхнул головой и резким жестом подозвал солдата.

– Проверь еще раз окраины города. Я хочу, чтобы Дерри Брюер был схвачен без шума. Сообщи мне, когда вы возьмете его.

– Слушаюсь, милорд.

Солдат ловко отсалютовал и побежал выполнять приказ. Услышав рев толпы, Йорк помрачнел еще больше. Он понял, что в Тур прибыл французский король. Солнце стояло в зените, но ни жених, ни невеста еще не появились.

Дерри изо всех сил сдерживал себя, стараясь идти не спеша, когда пробирался через поле, усеянное французскими солдатами, которые перекусывали или просто грелись на солнце. Последний раз он видел такое количество солдат во время битвы, и эти воспоминания были не самыми приятными. Он прекрасно понимал, по какой причине они здесь находятся. Эти весело беседующие и жующие хлеб люди снова станут армией в тот самый момент, когда получат приказ занять обширные территории Анжу и Мэна.

Дерри ждал, что его остановят. Однако, оказавшись на окраине города, он инстинктивно поднял с земли оставленную кем-то супницу, полную супа, и побрел, держа посудину в руках. Эта нехитрая уловка помогла ему пробраться через вражеский лагерь. Десятки слуг разносили по полю провиант, и каждый раз, поймав на себе подозрительный взгляд, он останавливался и кивком головы, словно глухонемой, предлагал солдатам наполнить свои котелки супом.

К полудню он миновал лагерь, отдал попавшимся навстречу пожилым женщинам уже пустую супницу и направился в сторону кафедрального собора. На дороге показалась карета французского короля, и никто не обращал внимания на жалкого оборванца.

Приблизившись, насколько ему хватило смелости, к кафедральному собору, Дерри опять увидел группы солдат. Ему оставалось совсем немного, но он знал, что не сможет преодолеть это расстояние. Брюер огляделся, чтобы проверить, не смотрит ли кто-нибудь на него, и неожиданно нырнул в канаву возле старых деревянных ворот, густо поросшую травой.

Чрезвычайно довольный тем, как ему удалось пройти через расположение французских войск, Дерри наблюдал за тем, как солдаты остановили и обыскали две проезжавшие мимо них повозки. Казалось, люди Йорка были всюду. Дерри поморщился, почувствовав, как вода, наполнявшая канаву, проникла ему под одежду, но он держал мешок со сменной одеждой повыше и, укрываясь за воротным столбом, ждал удобного момента. Он обратил внимание, что солдаты держались поодаль от собора. Его здание окружали сад и стена с воротами. Если бы он смог преодолеть наружную границу, его цель была бы достигнута. Кафедральные соборы в Англии и Франции одинаковы, сказал он себе. Проникнув внутрь, он легко бы там сориентировался.

Сквозь заросли высохшей травы Дерри видел гостей, собравшихся на церковном дворе. Так близко! Он даже различал лица. На мгновение у него возникло искушение встать и позвать кого-нибудь из своих союзников вроде Саффолка. Йорк наверняка не посмеет схватить его прилюдно. С недовольной гримасой он взглянул на свои промокшие брюки и черные полосы под ногтями. Несколько дней пути не прошли без следа. Если бы он в таком виде попытался приблизиться к гостям, солдаты схватили бы его, избили и уволокли, прежде чем аристократы поняли бы, что происходит. В любом случае трепыхаться в руках у солдат, вызывая к Саффолку,

было не в его стиле. Дерри все еще был настроен подойти к Йорку в своей лучшей одежде и заговорить с ним как ни в чем не бывало. Старый Бертл всегда восхищался его чувством стиля. В память об учителе он должен был сделать это изящно.

Дерри видел, что двое солдат, охранявших ворота в стене, стояли близко друг к другу. Они ели пирог, отламывая куски пальцами.

За этой стеной находилась резиденция епископа с кухнями, кладовыми и гостинными, достойными лордов. Оглядевшись, Дерри определил местонахождение других групп солдат, несших караул, и сунул руку в мешок за дубинкой. Он не мог применять бритву против англичан – тем более на церковном дворе. Почти всю свою жизнь он прожил в сумеречном, унылом мире, и теперь у него была реальная возможность оказаться вздернутым в ярком свете французского дня. Мысль попытаться преодолеть сопротивление двух вооруженных солдат, имея в руках лишь кусок дерева, была более чем смелой. Одного он всегда мог застигнуть врасплох, но нельзя было допустить, чтобы второй поднял тревогу, иначе все пропало бы.

Солнце приближалось к зениту, а Дерри все еще лежал в канаве, лихорадочно соображая, что ему делать. Уже в третий раз полдюжины солдат в английских – красных с золотом – плащах совершили обход вдоль наружной границы собора. Они несли луки, прославившие английское оружие при Азенкуре, и Дерри было известно, что они могут поразить кролика с расстояния в сто шагов, не говоря уже о человеке. В своей изорванной в клочья одежде коричневого цвета он был почти невидим и все же задерживал дыхание, когда они проходили в двадцати метрах от него, поскольку знал, что среди них наверняка есть охотники, способные заметить малейшее колебание травинки.

Время тянулось мучительно медленно. Что-то крупное проползло по его лицу, но ему было безразлично, даже когда он почувствовал укус в шею. Только одно могло отвлечь внимание часовых вокруг собора, и он ждал этого.

Судя по положению солнца, это случилось в два часа пополудни. Вдоль обочин дороги начали собираться мужчины и женщины из окрестных деревень, и до его слуха донеслись отдаленные приветственные крики. Спустя несколько мгновений все пришло в движение. Возбужденные зеваки побежали занимать лучшие места, чтобы как можно подробнее рассмотреть невесту. Когда перед ним появилась группа людей, главный шпион Англии, в лохмотьях, с красным лицом, выбрался из вонючей канавы и, прикрываясь ими, словно ширмой, двинулся в сторону караульных у ворот, благословляя невесту, поскольку они оба тоже смотрели в западном направлении. Прежде им никогда не доводилось видеть принцессу, особенно ту, что должна была стать королевой Англии.

Дерри обошел бегущего ребенка и с силой ударил дубинкой одного из караульных по уху. Тот рухнул как подкошенный. Второй едва успел повернуться с удивленным выражением на лице, как получил мощный удар в висок. Захрипев, солдат медленно осел на землю. Неподалеку раздалось испуганное восклицание на английском языке. Дерри распахнул ворота и бросился внутрь, сорвав с головы шляпу и швырнув ее в аккуратно подстриженный куст.

Апартаменты епископа располагались в отдельном здании. Дерри направился по тропинке, ведущей к ризнице. Он был готов выбить дверь ногой, но она оказалась открытой. Войдя внутрь, он увидел перед собой громоздкую фигуру епископа, стоявшего в одном нижнем белье. Рядом с ним стоял еще один священник с отвисшей челюстью, держа в руках длинное белое одеяние.

– Ваше святейшество, извините меня за беспокойство. Я опоздал на свадьбу, но лорд Саффолк может засвидетельствовать мою личность.

Дерри извлек из мешка свое облачение, и только вид меховой оторочки помешал епископу позвать на помощь.

За спиной послышался глухой удар в дверь, и он, быстро обернувшись, задвинул щеколду.

– Могу я еще немного побеспокоить вас и попросить кувшин воды? Невеста уже прибыла, а я покрыт дорожной грязью.

Оба священника несколько секунд с изумлением взирали на него, потом епископ нерешительным жестом указал в сторону соседнего помещения. Дерри улыбнулся ему и прошел в комнату, где обнаружил большую чашу, стоявшую на мраморном ночном столике.

После водных процедур, в результате которых вода в чаше почернела, как и полотенце, он быстро натянул на себя чистую одежду.

Когда Дерри вышел из комнаты, епископ был уже один. Его слуга, по всей видимости, пошел проверять личность ворвавшегося к ним незнакомца. В своем официальном облачении епископ выглядел еще крупнее. Он с интересом наблюдал за тем, как Дерри пригладил влажной ладонью волосы и задвинул свой грязный мешок в угол.

– Благослови вас Господь, ваше святейшество, – сказал Дерри. – Я уже думал, что не успею вовремя.

Он вошел в здание церкви.

– Вот и он! – воскликнул кто-то по-английски.

Не оборачиваясь на голос, Дерри со всей скоростью, на какую только был способен, помчался вдоль длинного нефа, в направлении залитой солнечными лучами двери в дальнем конце.

Глава 7

Сделав широкий круг, карета Маргариты остановилась перед собором. Толпа разразилась шумными приветствиями, и Маргарита смущенно покраснела, когда ей и Иоланде помогли выйти. Лицо девушки покрывала вуаль, сквозь которую та отчетливо видела все вокруг. Все эти люди собрались ради нее. Ее волнение усилилось, когда она увидела сияющего короля Карла, стоявшего рядом с ее теткой Марией.

Улыбка застыла на ее лице, когда она увидела стоявшего рядом с королем отца, одетого в бриджи и кроваво-красный плащ, расшитый золотом. Выпуклости его тела выпирали под одеждой как выше, так и ниже пояса. Рене Анжуйский был явно польщен присутствием такого количества аристократов. Склонившись перед ними в реверансе, Маргарита подумала: интересно, заботит ли его вообще ее свадьба, или же он думает только о возвращении родовых земель.

Когда Маргарита выпрямилась, к ней сквозь толпу протиснулся высокий широкоплечий мужчина с волосами пепельного цвета и отвесил ей глубокий поклон. Одет он был не столь пышно, как король или ее отец, и она почему-то сразу признала в нем англичанина, еще до того, как мужчина поцеловал ей руку и заговорил.

– Принцесса Маргарита, для меня это большая честь, – сказал он. – Я лорд Саффолк, но мне будет чрезвычайно лестно, если вы будете называть меня Уильям.

Он поклонился еще раз, и она с удивлением поняла, что высокий английский лорд нервничал не меньше ее.

Не успел лорд Саффолк продолжить свою речь, как Иоланда протянула ему руку и захихикала, когда он поцеловал ее и поклонился в третий раз.

– Вы, должно быть, принцесса Иоланда, моя дорогая. Разумеется, я в вашем полном распоряжении.

Он перевел взгляд на Маргариту и слегка прикусил нижнюю губу.

– Не соблаговолите ли вы переговорить со мной наедине, миледи? У меня для вас есть известия, которые вам необходимо знать до начала церемонии бракосочетания.

Маргарита увидела, как ее отец и король Карл обменялись недоуменными взглядами.

– Что такое, лорд Саффолк? – спросил Рене, подойдя к ним. – Нет никаких причин откладывать церемонию. Где жених? Скоро ли он пожалует?

У Маргариты упало сердце. Английский король не приехал? Она представила, как возвращается невенчанной в Сомюр, чтобы до конца жизни оставаться объектом насмешек и сплетен. Ей вдруг захотелось расплакаться, и в этот момент она почувствовала, как Иоланда сжала ее руку в знак поддержки.

– Ваше величество, милорд Анжу, я принес удручающие новости. Пожалуйста, сопроводите вашу дочь в церковь. Это конфиденциальный разговор.

Произнося эти слова, Саффолк густо покраснел, явно испытывая смущение. В этот момент со стороны главного входа донесся какой-то шум. Лорд повернул голову, и Маргарита заметила, как на его лице появилось выражение облегчения. Из полумрака возникла фигура Дерри Брюера. Слуги разносили среди публики кувшины и хрустальные бокалы с белым вином. Дерри схватил на ходу бокал и направился к стоявшим полукругом каретам.

– Мастер Брюер! – крикнул Саффолк, вытирая платком пот со лба.

Маргарита увидела, как еще один высокий лорд резко повернулся, услышав это имя, и направился к ним через толпу.

– Какой прекрасный день для свадьбы, – сказал Дерри, осушив бокал в один прием.

Он поклонился французским аристократам, смотревшим на него с подозрением.

– Ваше величество, лорд Саффолк. А эти цветки Франции, должно быть, принцессы Маргарита и Иоланда.

Дерри поклонился девушкам даже еще ниже и поцеловал им руки с улыбкой, не сходящей с его лица. Он сильно потел и никак не мог отдышаться. Маргарита подумала: неужели он так разволновался, увидев их? У нее сложилось впечатление, будто он только что быстро бежал. Окружившие их аристократы начали перешептываться.

Саффолк кивнул Дерри, покраснев от волнения и жары еще больше.

– Я как раз говорил, мастер Брюер, что перед началом церемонии нам следует удалиться в уединенное место на несколько минут для частного разговора.

– Превосходно, – сказал Дерри.

Он поменял пустой бокал на полный и выпил его, как и первый, в три глотка.

– Здесь слишком жарко. А, лорд Йорк! Какое удовольствие видеть вас в добром здравии в этот замечательный день!

На взгляд Маргариты, лорд Йорк был гораздо больше похож на английского лорда, какими она их представляла. Он был высок и почти так же бледен, как ее отец. Тонкие губы были плотно сжаты, едва скрывая злость. Рене и король Карл вновь переглянулись. На их лицах все отчетливее проступала тревога.

– Ваше величество, лорд Рене, лорд Саффолк, – произнес Йорк, чопорно кланяясь. – Рад видеть вас здесь, Брюер. Чуть позже я с удовольствием продолжу с вами нашу последнюю беседу.

– О, как вам угодно, милорд. Но сегодня нам должно быть не до наших мелких забот, не правда ли? Это судьбоносный день единения двух великих народов, сулящий совместное процветание.

Дерри широко улыбнулся, явно чему-то радуясь. Маргарита с трудом понимала английскую речь и переводила взгляд с одного собеседника на другого. Саффолк говорил довольно доброжелательно и производил на нее приятное впечатление. Лорд Йорк даже не удостоил ее своим вниманием.

– Милорды и леди, прошу сюда. Давайте укроемся от солнца в храме.

Дерри подвел их к открытым дверям и поднял бокал, приветствуя группу задыхавшихся от жары английских солдат. Они холодно воззрились на него, сопровождая взглядом каждое его движение.

После жаркого солнца внутри церкви было прохладно. Из опасения упасть в обморок Маргарита сделала несколько глубоких вдохов. Она прислонилась к Иоланде, в то время как остальные участники маленького собрания обратили вопросительные взоры к Саффолку. Но вместо него заговорил Дерри:

– Боюсь, у нас возникло небольшое затруднение, милорды. Вчера вечером король Генрих внезапно заболел. Ничего опасного для жизни, но лечение займет некоторое время. Против своей воли он был вынужден вернуться в Кале и оттуда отправиться обратно в Англию. Он не в состоянии присутствовать сегодня на церемонии и может лишь передать свои нижайшие извинения принцессе Маргарите и ее отцу.

– По-вашему, это *небольшое* затруднение? – с недоумением спросил король Карл. Он прекрасно говорил по-английски, хотя и с заметным акцентом. – Вы представляете, какая была проделана работа? И теперь вы говорите, что ваш король болен? Это настоящая катастрофа!

– Ваше величество, далеко не все потеряно, – возразил Дерри. – Я получил от короля Генриха специальные инструкции. Эта проблема вполне разрешима.

– У вас нет жениха! – взорвался Рене. – Как вы собрались решать такую проблему?

– Вы затронули самую суть дела, лорд Анжу, – сказал Дерри с неизменной улыбкой. – Слава богу, между королями и простыми людьми существует разница. Король Генрих поручил

лорду Саффолку выступить в роли жениха от его имени. Впоследствии в Англии будет проведена еще одна церемония. Соглашение о перемирии и передаче земель остается в силе.

– Передача земель? – неожиданно переспросил Йорк.

Дерри повернулся к нему, удивленно подняв брови:

– Милорд Йорк, я вижу, король не посвятил вас во все подробности своих планов, имея на то полное право. Вероятно, вам лучше выйти отсюда, вместо того чтобы слушать то, что вас не касается.

Йорк стиснул зубы, выставив вперед челюсть.

– Я останусь и дослушаю остальное, Брюер. Являясь командующим английскими войсками в Нормандии, я считаю, что это меня касается.

Дерри сделал паузу, словно размышляя, не выставить ли его силой. Под взглядами французского короля и лорда Анжу краска на лице Йорка проступила еще отчетливее.

– Очень хорошо, лорд Йорк. Оставайтесь, если хотите. Но прошу вас, не перебивайте меня, пока я буду излагать планы короля Генриха.

Маргарита подумала, что худощавый английский лорд сейчас лопнет от злости, но Йорк, сделав видимое усилие, взял себя в руки. Ее взор затуманился, на глазах выступили слезы. Генрих не приедет! Она недостаточно хорошо знала английский, чтобы свободно понимать беглую речь. Но она поняла, что, несмотря на отсутствие английского короля, они вроде бы что-то предлагают.

– Извините, милорды, ваше величество, – пробормотала она.

Казалось, никто не слышал ее.

– Извини, отец, – повторила она уже по-французски, поскольку сердце разрывалось в ее груди. – Свадьбы сегодня не будет?

На сей раз ее услышал Саффолк и повернулся к ней с печатью грусти и озабоченности на лице. Он заговорил на превосходном французском:

– Моя дорогая, мне очень жаль. Король Генрих действительно не может сегодня присутствовать здесь. Мне разрешено принести клятву верности от его имени. Это не противоречит соглашению. Сегодня вы обручитесь, а официально вступите в брак в Англии. Мне очень не хотелось сообщать вам эти новости, но мы проделали слишком большой путь, чтобы в последний момент все потерять. Если вы позволите, я выступлю сегодня в роли короля Генриха.

Маргарита смотрела на него, приоткрыв рот. Вуаль вдруг вызвала у нее приступ удушья, и она убрала ее с лица.

– Милорд, вы дадите мне слово чести, что это будет по-настоящему? Я выйду замуж сегодня или нет?

Саффолк замялся, и вместо него заговорил Дерри:

– Состоится формальный обмен клятвами, принцесса. Конечно, без жениха свадьбу нельзя назвать в полной мере настоящей, но в данный момент этого будет вполне достаточно.

– Но я вижу кольцо на пальце лорда Саффолка! – воскликнула Маргарита, потрянув головой. – Как он сможет принести перед алтарем клятву верности, будучи уже женатым?

– У королей свои законы, принцесса. Если Генрих так хочет и король Карл согласится на то, чтобы так было, так будет.

Все взоры обратились к французскому королю, который слушал этот разговор, пребывая в явном смущении.

– Ваше величество, – негромко произнес Рене. – Мы проделали большой путь. Осталось сделать один шаг.

Король в задумчивости потер нос.

– Я заключил письменные соглашения с вашим королем Генрихом, – сказал он. – Соглашения, которые вступают в силу, как только принцесса Маргарита выходит замуж. Вы гово-

рите, что будете рассматривать эту... это обручение как настоящую свадьбу в плане заключенных соглашений?

– Да, – почти одновременно произнесли Саффолк и Дерри.

Французский король пожал плечами:

– Тогда я удовлетворен. – Он быстро заговорил по-французски, обращаясь к Маргарите: – Англичане грубы и бестактны, моя дорогая, но если их король заболел, то это промысел Божий, и мы, люди, можем лишь подчиняться ему. Вы принимаете эти условия? Ради вашего отца.

Маргарита сделала реверанс:

– Если такова воля вашего величества.

После этих слов напряжение спало. Лорд Саффолк неуклюже погладил ее по руке:

– Тогда, мне кажется, нам пришло время занять место перед алтарем, моя дорогая. Я вижу, епископ уже ждет нас. Он наверняка решит, что я прожил ужасно тяжелую жизнь, поскольку выгляжу таким старым.

Он улыбнулся, и от этой неловкой попытки проявить доброту у нее выступили слезы. Она увидела, как англичанин с трудом снял с пальца золотой ободок и бережно положил его в карман. На том месте, где было кольцо, осталась белая полоска.

В этот момент Йорк приблизился к нему и что-то сказал вполголоса. Хотя при этом на лице худощавого лорда блуждала улыбка, Саффолк заметно побледнел.

Иоланда смахнула платком слезы с глаз Маргариты, пока они не размыли уголь на ресницах, и чуть ли не с почтением вновь опустила вуаль. Маргарита вздохнула. Ей хотелось выглядеть достойно в день собственной свадьбы или того, что должно было состояться вместо нее. Она дала себе слово серьезно поговорить с английским королем, когда они наконец встретятся. То, что он оставил ее одну в день их свадьбы, стоило по меньшей мере замка.

Подумав об этом, она едва слышно рассмеялась, вызвав удивленный взгляд Иоланды. Гости расселись по скамьям. Люди на церковном дворе начали недоуменно перешептываться, задавая друг другу вопросы, ответов на которые никто не знал. В конце нефа Уильям де ла Поль прошел через дверь кафедры из черного дуба, которая скрывала от публики алтарь и хор, и остановился. Через дверной проем Маргарита видела широкую спину англичанина, ожидавшего французскую принцессу. Она покачала головой, словно не веря в происходящее.

– Сегодня странный день, – пробормотала она, обращаясь к сестре. – У меня такое ощущение, будто я игрушка, которую они используют в своих политических играх.

Стиснув зубы, невеста не повернула головы, когда к ней подошел отец и взял ее за руку. Иоланда и кузины последовали за ними в церковь, наполнившуюся звуками трех арф. Маргарита в сопровождении отца медленно шла вдоль нефа, высоко держа голову. Они прошли через кафедру, и за ними закрылась дверь. Обернувшись, лорд Саффолк улыбнулся при виде мужества, проявленного столь юной девушкой. Будь то в силу счастливого стечения обстоятельств, по воле Божьей или благодаря талантам Дерри Брюера, королю Генриху чрезвычайно повезло с невестой, подумал он.

Над Туром разносился звон колоколов кафедрального собора Сен-Гатьен, и ни одна из выводимых ими затейливых мелодий за все время ни разу не повторилась.

Дерри спокойно наблюдал за тем, как французскую принцессу сопровождали в ожидавшую ее карету под торжествующий рев толпы. Она улыбалась сквозь слезы, и, увидев это, Дерри усмехнулся. Будь его дочь жива, она была бы сейчас примерно в том же возрасте. Это воспоминание отозвалось в его груди тупой болью.

Французский король и его наиболее могущественные лорды вышли посмотреть, как невеста отправляется обратно в замок Сомюр. Монарх стоял в окружении посыльных, сновавших между ними и командующими войсками, расположенными в окрестностях города.

Ход размышлений Дерри прервала чья-то рука, тяжело опустившаяся на его правое плечо. Где-нибудь на постоялом дворе в восточном Лондоне он схватил бы ее и сломал мизинец, и сейчас ему стоило немалых усилий, чтобы сдержаться.

– Именем короля, что ты наделал, Дерри Брюер? прошипел Йорк. – Скажи мне, что это не так. Скажи мне, что мы не отдали земли, отвоеванные для добрых англичан Генрихом Монмутом.

– Его сын, наш *король*, захотел перемирия, и мы его добились, – ответил Дерри.

Он снял руку герцога со своего плеча, сжав ее с такой силой, что Йорк слегка скривился, хотя и постарался не подать вида, что ему больно.

– Это *измена*. Ты будешь болтаться на виселице вместе с этим идиотом Саффолком.

– И король вместе с нами, я полагаю? Лорд Йорк, вы что, не поняли суть соглашений? Анжу и Мэн – это цена двадцатилетнего перемирия. Вы будете противоречить своему королю? Этого хочет *он*. Мы всего лишь смиренные слуги, выполняющие его волю.

К его удивлению, Йорк отступил назад и посмотрел на него с холодной улыбкой:

– Думаю, очень скоро ты столкнешься с последствиями своих игр, Дерри Брюер. Когда распространятся известия о твоих тайных делишках, страна узнает лишь то, что король Генрих уступил земли, завоеванные его отцом – и английской кровью, пролитой на полях сражений. Они скажут... О, могу представить, что они скажут. Желаю тебе удачи, но запомни, о чем я тебя предупреждал. – Йорк усмехнулся и покачал головой. – Неужели ты думаешь, что англичане покорно отправятся в Нормандию по приказу толстого французского лорда? Тебе не приходило в голову, Брюер, что люди умрут, но не уйдут с этих земель?

– Вы, случайно, не торгуете лавандой точно так же, как пророчествами? Я спрашиваю потому, что мне нужна веточка лаванды, а поблизости нет ни одной цыганки.

Дерри думал, что Йорк выйдет из себя, но тот продолжал улыбаться.

– Я слежу за тобой, Дерри Брюер. Мои люди следят за тобой. Я бы пожелал тебе удачи в дороге до Кале, но, боюсь, она тебя оставила. И никакая сорочья болтовня тебя уже не спасет.

– Какие странные вещи вы говорите, лорд Йорк. Я уверен, мы увидимся с вами в Лондоне или Кале. Но сейчас французский король пригласил меня на охоту. Он мне нравится, Ричард. Так хорошо говорит по-английски.

Произнося эти слова, Дерри поднял руку, приветствуя группу французских аристократов. Один из баронов кивнул ему в ответ. Взглянув с ухмылкой на Йорка, Дерри не спеша направился в их сторону.

Французские войска принялись сворачивать лагерь, чтобы занять обретенные за одно утро земли, которые до этого дня они не могли завоевать десять лет.

Герцог Рене приблизился к группе, расплываясь в улыбке. К удивлению Брюера, на глазах у француза были слезы. Заметив выражение лица Дерри, он рассмеялся:

– О, вы, англичане, слишком холодны. Разве вы не понимаете, что я сегодня получил обратно свои родовые земли? Это слезы радости, мсье.

– Самые лучшие слезы, – отозвался Дерри. – Его величество пригласил меня на охоту.

У герцога Рене сверкнули глаза.

– Но не на вашу дурацкую охоту на лис, мсье. Только не сегодня. Его величество будет сопровождать свою армию, которая двинется на север через мои земли. Кто может сказать, каких английских оленей мы найдем в моих родовых полях и виноградниках?

– Понятно, – сказал Дерри. – Подозреваю, что я с вами не поеду, лорд Анжу. Если не возражаете, я задержусь на некоторое время, чтобы сделать кое-какие приготовления к возвращению домой.

Он увидел, как Ричард Йорк отдает распоряжения своим солдатам, которых в количестве тысячи человек привел на юг. Они тоже должны были возвращаться в Нормандию. У герцога не было выбора. На мгновение у Дерри возникло неприятное чувство, что Йорк вовсе не так

глуп, как он думал. В Анжу и Мэне действительно было много английских поселенцев. Он подумал, что у них должно хватить ума не оказывать сопротивления. Соглашения, которые подписал король Генрих, предусматривали мирное переселение английских семей из французских провинций. И все же окружавшие его аристократы были охвачены охотничьим азартом. Они показывали зубы, и в воздухе витало лихорадочное возбуждение, вызывавшее у него тревогу. Дерри явственно ощущал тревогу. Если англичане в Анжу и Мэне откажутся уехать, это может привести к войне. Тогда все хитроумные интриги, которые он плел на протяжении многих месяцев, пойдут насмарку. С таким трудом добытое перемирие продержится не дольше мороза летом.

Глава 8

В течение трех дней французская армия и солдаты Йорка двигались на север через Анжу. Люди герцога Ричарда ушли далеко вперед, отчасти потому, что французский король останавливался в каждом городе. Королевская свита совершила большое путешествие по долине Луары, разбивая лагерь всюду, где король Карл находил что-либо интересное или хотел увидеть церковь с костями того или иного святого. Особое удовольствие ему доставляли реки и виноградники, тянувшиеся на многие мили.

Множество анжуйских семейств были изгнаны с насиженных мест грубыми французскими солдатами, шедшими в авангарде армии. Внезапно лишившиеся земель и имущества, потрясенные, отчаявшиеся люди наводнили дороги, перемещаясь в повозках или пешком, и эти потоки разрастались с каждым днем. Йорк вел своих людей к новой границе английских владений во Франции, расставляя пикеты на подходах к Нормандии, где волны переселенцев захлестывали деревни и города, наполняя их своими несчастьями и жалобами. Некоторые из них с возмущением взывали к справедливости, требуя от короля Генриха компенсации понесенного ими ущерба, но большинство были слишком измучены и могли лишь плакать и проклинать судьбу. Выселения продолжались, и скоро поползли слухи об изнасилованиях и убийствах. Мелкие землевладельцы писали гневные письма и посылали курьеров, требуя, чтобы английские войска защищали своих соотечественников, но Йорк, не читая, откладывал их в сторону. Даже когда выселения осуществлялись незаконно, он ничего не предпринимал, желая, чтобы несправедливо изгнанные люди приехали в Англию и рассказали там о пережитых ими унижениях. Это поможет разжечь пожар, который наверняка поглотит Дерри Брюера и лорда Саффолка. Он не знал, дойдут ли известия о беспорядках до короля, но эти двое заслуживали посрамления и порицания за то, что сделали.

Каждый вечер Йорк поднимался на колокольню Жублена и всматривался в бескрайние поля, простиравшиеся на юг. Сотни англичан – мужчин, женщин и детей – двигались к границе, каждый со своей собственной историей унижений и лишений. Ему хотелось одного: чтобы Дерри Брюер, Саффолк и даже сам король увидели дело рук своих.

На сорок третий день после свадьбы, стоя на своем наблюдательном пункте, Йорк услышал шаги на ступеньках каменной лестницы. Он обернулся и с удивлением увидел свою жену.

– В чем дело? Тебе следует отдыхать, а не карабкаться по холодным ступеням. Где Персиваль? Я надеру ему уши.

– Успокойся, Ричард, – сказала Сесилия, тяжело дыша. – Я знаю собственные силы. А Персиваль я послала за холодным соком. Мне просто захотелось увидеть, что так привлекает твое внимание каждый вечер.

Йорк махнул рукой в сторону открытого окна. При других обстоятельствах он мог бы оценить темно-золотистые и розовые краски французского заката, но сейчас ему было не до красот природы.

Обогнув большой бронзовый колокол, Сесилия прислонилась к широкому подоконнику.

– А, вижу, – сказала она. – Эти людишки. Это те самые англичане, о которых ты говорил?

– Да, и все они идут в Нормандию со своими печальями и горестями, как будто мне не достает других проблем. Я поднимаюсь сюда не для того, чтобы смотреть на них, а потому, что ожидаю увидеть здесь французскую армию еще до конца года.

– Они остановятся здесь? – спросила Сесилия с расширившимися от испуга глазами.

– Конечно остановятся! Выселять мирных жителей им больше по вкусу, чем воевать с английскими лучниками. Если только они ступят на английскую землю, мы обратим их вспять и погоним на юг.

Его жена заметно успокоилась.

– Жена лорда Дерби говорит, что это настоящая напасть. Ее муж считает, что нужно разорвать заключенные соглашения и начать все сначала. Он говорит, что король, будучи в здравом уме, не должен был...

– Замолчи, моя дорогая. Как бы то ни было, нам не остается ничего иного, кроме как защищать новую границу. Возможно, через год или два я получу возможность отвоевать эти земли. Мы уже теряли Анжу и Мэн при короле Иоанне⁹. Кто знает, что готовит нам будущее?

– Но ведь сейчас перемирие, Ричард! Лорд Дерби говорит, что мир продлится двадцать лет.

– Похоже, у лорда Дерби есть что порассказать своей жене.

Казалось бы, во Франции трудно найти более уединенное место, нежели колокольня, но тем не менее Йорк вплотную приблизился к жене и обнял ее за округлившийся живот, внутри которого рос их ребенок.

– Всюду зреет недовольство, дорогая. Я постоянно получаю сообщения о беспорядках. И это только начало. Мне было бы спокойнее, если бы ты находилась дома, в безопасности. Король Генрих утратил доверие своих лордов. Если они узнают, что это его рук дело, а под соглашением стоит подпись Саффолка, это не кончится добром. Клянусь, я добьюсь того, что Уильяма де ла Поля осудят за измену. Насколько невыносима мысль о том, что между мной и тронном стоит один лишь мой брат! Если бы дед Эдмунд родился раньше Джона Гонта, я носил бы корону, которая так убого сидит на голове Генриха. Говорю тебе, Сесилия, если бы я был королем, то не отдал бы французам ни пяди земли, пока не зазвучали бы трубы Судного дня! Это *наша* земля, а я вынужден наблюдать за тем, как тупицы и интриганы растранижируют ее. Боже мой! Король Генрих – настоящий простак. Я знал это, когда он был еще ребенком. Он проводил слишком много времени в обществе монахов и кардиналов и недостаточно упражнялся с мечом, в отличие от своего отца. Они погубили его, Сесилия. Они погубили сына моего короля молитвами и поэзией.

– Так пусть они сгинут, Ричард, – сказала Сесилия, положив руку на грудь мужа и ощутив при этом, как гулко бьется его сердце. – Пусть они пожнут бурю, пока ты набираешься сил. Кто знает, может быть, со временем ты окажешься в состоянии претендовать на корону? Если Генрих, по твоим словам, так слаб...

Побледневший Ричард приложил к ее губам ладонь:

– Даже здесь нельзя говорить об этом, дорогая. Ни вслух, ни шепотом. Понимаешь?

Она кивнула, и ее глаза сверкнули в сгущавшихся сумерках.

– Не имеет значения, что случится в следующем году, сначала должно закончиться это лето. Мне придется стать свидетелем того, как берега величественных рек и живописные долины захватывают эти грязные французские шлюхи... Извини, дорогая. При мысли об этом во мне все закипает.

– Забудь об этом. Но, надеюсь, ты не будешь учить нашего ребенка таким словам?

– Никогда. Ты плодовита, как виноградник, моя замечательная жена из рода Невиллов, – сказал он, прикасаясь на счастье к ее животу. – Кстати, как поживают твои родственники?

Сесилия звонко рассмеялась:

– У моего племянника дела идут хорошо – по крайней мере, я так слышала. Если ты помнишь, он женился на этой девице Монтегю. Довольно строптивая девчонка, но, похоже, она его обожает. Говорят, ее брат граф Уорвик угасает быстрее, чем врачи успевают делать ему кровопускания.

⁹ *Иоанн (Джон) Безземельный* (1167–1216) – король Англии с 1199 года. В результате междоусобиц и военных неудач потерял большую часть английских владений на континенте.

– Это тот, у которого нет сыновей? Я его знаю. Надеюсь, твой племянник еще навестит нас, Сесилия. Сколько ему сейчас: восемнадцать, девятнадцать? Вдвое моложе меня, а уже почти граф!

– О, ты ведь знаешь, он преклоняется перед тобой. Даже унаследовав графский титул, он будет обращаться к тебе за советом. Мой отец всегда говорил: из всей семьи Ричард единственный, у кого есть мозги.

– Уверен, он имел в виду меня, – сказал Йорк с улыбкой.

Она шлепнула его по руке:

– Он имел в виду вовсе не тебя, Ричард Йорк. Мозги есть у сына моего брата.

В свои тридцать четыре года герцог отличался недюжинной силой и крепким здоровьем. Выглянув в окно, он вновь испытал чувство безысходного отчаяния при мысли о том, что в скором времени на горизонте появятся колонны французской армии.

– Возможно, ты права, дорогая. Этот Ричард вряд ли заглядывает в будущее дальше завтрашнего дня.

– Ты превзойдешь их всех, я уверена. Насколько я тебя знаю, ты так просто не проигрываешь и не сдаешься. Это качество свойственно и Невиллам. Наши дети наверняка заставят людей уважать себя.

В порыве нежности он провел холодной ладонью по ее щеке. За окном вечерние сумерки окрасили все вокруг в пурпурные и серые тона. Он плотнее укутал жену плащом.

– Я спущусь вместе с тобой. Не хочу, чтобы ты споткнулась и упала на этих ступенях.

– Спасибо, Ричард. Рядом с тобой я всегда чувствую себя в безопасности.

Маргарита стояла в главном дворе замка Сомюр, наблюдая за тем, как лорд Саффолк показывает ее братьям приемы обращения с мечом. Ее отец уехал вступать во владение землями, полученными в обмен на замужество дочери.

Когда она вернулась после церемонии бракосочетания в Сомюр, поначалу ей казалось, что ничего, в сущности, не изменилось. Настоящей королевой она не стала, и Англия была от нее так же далеко, как и прежде.

Она увидела, как Саффолк поправляет Луи, нанесшего очередной удар.

– Осторожней, парень! Где твоя осторожность?

Его голос отражался от стен глухим эхом. Маргарите нравился этот высокий английский лорд. Ее отец вернулся ненадолго в Сомюр после недельной поездки вместе с королем по Анжу и Мэну. Увидев своих дочерей, он грубо приказал им позвать мать. И тут вперед выступил лорд Саффолк. То, что произошло дальше, стало одним из самых дорогих воспоминаний ее юности.

– Милорд Анжу, – торжественно заявил лорд, откашлявшись, – должен напомнить о том, что королева Маргарита больше не подчиняется вам. Как представитель ее мужа, я настаиваю, чтобы с ней обращались в соответствии с ее положением.

Рене Анжуйский с изумлением уставился на англичанина, столь уверенно державшегося в его собственном доме. Он открыл было рот, чтобы ответить, но потом счел за лучшее промолчать. Его разъяренный взгляд нашел бедную Иоланду.

– Позови мать, девочка. Я устал, голоден и совсем не расположен к этим английским играм.

Подобрав полы юбки, Иоланда поспешила удалиться. Рене холодно кивнул Саффолку и направился к входным дверям замка. Он пробыл в Сомюре три дня и за это время не обмолвился ни единым словом ни с ней, ни с ее английским лордом.

Вспомнив эту сцену, Маргарита зарделась. Это был один из самых радостных моментов в ее жизни. Она была счастлива видеть, как белесого слизняка поставили на место. Она нисколько не сомневалась в готовности Саффолка защитить ее честь. Английский лорд весьма

серьезно воспринимал взятые на себя обязанности защитника новоиспеченной королевы, и она подозревала, что эти тренировки с ее братьями отнюдь не случайны.

Она кинула взгляд на схватку. Все трое ее братьев двигались быстрее, нежели английский граф, но тот был опытным ветераном, получившим ранение при Арфлере и командовавшим осадой Орлеана. В боевых искусствах он смыслил неизмеримо больше, чем Жан, Николя и Луи, вместе взятые, и он сражался с ними, дабы продемонстрировать им, как доспехи могут защитить их обладателя в схватке. Однако лорд Саффолк был уже немолод, и Маргарита слышала, как тяжело он дышал, когда отбил выпад Луи и нанес ответный удар по щиту.

Меч, который он держал обеими руками, представлялся Маргарите огромным – четыре фута твердой стали. Это грозное оружие выглядело слишком громоздким и неудобным, но Саффолк настолько виртуозно обходился с ним, что оно казалось невесомым. С мечом в руках он переставал походить на доброго английского лорда и принимал устрашающий вид. Маргарита с восхищением смотрела, как Саффолк принудил Луи защищаться, нанося ему удар за ударом. Кончилось тем, что меч выпал из дрожавших пальцев ее брата.

– Ха! Крепче держи рукоятку, парень, – сказал англичанин.

Они были одеты в туники на толстой подкладке и легкие тренировочные ножные доспехи поверх брюк. Пока Луи массировал затекшие пальцы, Саффолк снял с головы шлем, обнажив раскрасневшееся лицо, по которому стекали струи пота.

– Нет лучшего способа натренировать правую руку, чем воспользоваться самим клинком, – сказал Саффолк тяжело дышавшему мальчику. – Ты должен понять, что сила происходит из скорости. Иногда ты получаешь преимущество в схватке, если можешь в решающий момент сменить двуручную хватку на одноручную. Жан, подойди ко мне, я покажу на тебе твоему брату, как нужно бить.

Занимая позицию, отдохнувший Жан выглядел уверенно. Он держал лезвие вертикально, ожидая, когда Саффолк наденет тренировочный шлем – тяжелый, изготовленный из толстого железа, с прорезью на уровне глаз, отделанный латунью.

Саффолк осмотрел шлем, затем пожал плечами и аккуратно положил его на камни сзади себя.

– Поверни правую ногу чуть в сторону, – сказал он Жану. – Необходимо сохранять равновесие при каждом шаге, и ноги должны прочно стоять на земле. Вот так. Упор на правую ногу при выпаде. Готов?

– Готов, милорд, – ответил Жан.

Он сражался с Саффолком уже с десятков раз, и англичанин неизменно выходил победителем. Но Жан неуклонно совершенствовал боевые навыки и в свои семнадцать лет обладал хорошей реакцией, пусть ему пока еще и недоставало силы, которая развивается на протяжении десятилетий постоянных тренировок.

Жан нанес быстрый удар, и Саффолк легко, с усмешкой отбил его. Лезвия еще дважды звякнули друг о друга, и Маргарита обратила внимание на то, что Саффолк постоянно двигался, его ноги никогда не находились в состоянии покоя. Жан, напротив, стоял как вкопанный, размахивая мечом, а это означало, что Саффолк мог увеличивать дистанцию между ними и выводить его из равновесия.

– Вот! Стой! – неожиданно крикнул Саффолк.

Меч Жана описал дугу на уровне головы, и Саффолк остановил его клинком, который держал вертикально. На мгновение грудь Жана оказалась открытой. Повинуясь приказу, юноша застыл.

– Ты видишь, Луи? Он открыт. Если у меня хватает силы сдержать удар одной рукой, я могу убрать левую руку с рукояти меча и ударить его кулаком. – Он продемонстрировал прием, прикоснувшись кулаком в латной перчатке к шлему Жана. – Этого ему хватило бы, а? Еще

лучше, если в перчатке между костяшками пальцев закреплен шип. Если ударить таким шипом достаточно сильно, можно пробить латный воротник.

К неудовольствию Жана, Саффолк продемонстрировал Луи удар в его открытое горло.

– Можно даже ударить в смотровую щель шлема, хотя попасть в нее довольно сложно, если противник двигается. Все зависит от силы твоей руки. И ты должен учитывать, что он попытается применить тот же самый прием против тебя. Теперь, Жан, я покажу тебе способы защиты от этих ударов.

Саффолк отступил назад и в этот момент увидел, что Маргарита наблюдает за ними. Он сделал шаг в ее сторону и преклонил одно колено, держа перед собой меч. Маргарита почувствовала, как румянец заливал ее лицо, поскольку братья были свидетелями этой сцены, но она не могла не испытывать гордость оттого, что этот большой человек находится у нее в подчинении.

– Ваше величество, я не видел вас, – сказал Саффолк. – Надеюсь, я не пренебрег своими обязанностями. Я хотел показать вашим братьям несколько новых приемов, получивших распространение в Англии.

– Я уверена, они многому научились у вас, лорд Саффолк.

– Пожалуйста, называйте меня Уильямом, ваше величество. Я всего лишь ваш слуга.

Маргарита на мгновение представила, какое удовлетворение она испытала бы, если бы Уильям по ее приказу затолкал брата Жана в кухонный котел. Она не сомневалась в том, что он сделал бы это. Жаль, что ей нельзя было позволить себе такое удовольствие. Все-таки она была замужней женщиной, или наполовину замужней, или, по крайней мере, обрученной.

– Моя мать попросила меня передать вам, что из Англии приехал ваш друг. Мсье Брюер.

– Ах да. Я все думал, когда же он наконец появится. Благодарю вас, ваше величество. С вашего позволения, я удаляюсь.

Маргарита кивнула и позволила Саффолку поцеловать ей руку. Он направился в замок, оставив ее наедине с тремя братьями.

– Не удалось сегодня поохотиться, Жан? – ласково спросила Маргарита. – Не удалось погонять сестру? Представляю, что лорд Саффолк сделает с тобой, если я прикажу ему сразиться с тобой на мечах всерьез. Что ты думаешь по этому поводу?

– Он все же английский лорд, Маргарита. Не стоит слишком доверять ему, – сказал Жан. – Отец говорит, все они коварны, как гадюки. Он как-то сказал, что змея в саду Эдем наверняка говорила по-английски.

– Фу! По-моему, отца просто одолела жадность, удивительно, что он вообще еще что-то говорит.

– Не смей оскорблять его, Маргарита. Ты не имеешь права. Ты пока еще моя сестра, а также член нашей семьи, и ей-богу...

– Нет, Жан. Теперь я Маргарита Английская. Может быть, мне позвать Уильяма, чтобы он подтвердил тебе это?

Жан нахмурил брови, но объясняться с ее защитником ему явно не хотелось.

– Благодаря твоей свадьбе наша семья вернула себе Анжу и Мэн. Только в этом заключается твое предназначение. В остальном ты вольна делать все, что хочешь.

Жан повернулся к сестре спиной и отправился восвояси. Николя последовал за ним. Маленький Луи задержался на несколько секунд, чтобы подмигнуть ей и скорчить гримасу по поводу напыщенности манер их старшего брата. Маргарита осталась одна. Окинув взглядом пустой двор, она испытала невыразимое удовольствие от одержанной победы.

Саффолк был удивлен, оказавшись в большом зале замка Сомюр. После свадьбы слуги, как ему казалось, пребывали в некоторой растерянности. Англичане всегда были их заклятыми врагами, и вдруг они породнились. Необходимо определенное время, чтобы оба народа осо-

знали реальность заключенного между ними перемирия, подумал он. В данный момент лишь небольшая группа лордов по обе стороны Ла-Манша была посвящена в детали.

Саффолк дружелюбно кивнул стоявшему у дверей мажордому, который поклонился ему с выражением крайнего недовольства на лице. Вероятно, статус английского лорда уже немного вырос – по крайней мере, в Сомюре.

Дерри поднялся с кресла, чтобы поприветствовать его:

– Ты, похоже, стал членом семьи, Уильям. Ну конечно, ты ведь женился на одной из их дочерей, так что все правильно.

Саффолк улыбнулся шутке и устремил взгляд на балкон, чтобы удостовериться, нет ли там кого-нибудь. Он догадывался, что Маргарита вполне могла подслушивать их, поскольку наверняка понимала, что разговор касается ее. Ему показалось, что в сумерках мелькнула тень.

Дерри проследил за его взглядом:

– Странная конструкция. Это что, галерея для менестрелей?

– Понятия не имею. Итак, Дерри, что привело тебя в Сомюр?

– Ты не поприветствуешь меня? Не справишься о моем здоровье? Я так одинок, Уильям Поль. Никто мне не рад. Посиди со мной возле огня. У тебя в этих доспехах такой вид, будто ты собираешься броситься в бой, и это меня несколько беспокоит.

Саффолк пожал плечами, но присел на подлокотник огромного кресла. По его телу быстро разлилось тепло очага. Он вновь поднял голову и посмотрел на галерею.

– Здесь нам вряд ли удастся поговорить конфиденциально, Дерри, – произнес он вполголоса.

– А, понимаю. Очень хорошо. Я использую свою знаменитую уловку. Ты готов?

Брюер наклонился вперед.

– Самая большая лягушка, *королевская* лягушка, готовит из Анжу правильное блюдо.

– Дерри, ради бога. Ведь ты явился сюда не для того, чтобы играть в игры.

– Ладно, лорд Саффолк, раз тебе не нравятся иносказания, буду говорить прямо. Король Карл все еще находится в Анжу. До Англии доходят весьма тревожные и крайне неприятные слухи, но в том, что касается выселений, он по большей части руководствуется законом и нашим соглашением. Его задерживает там проблема распределения богатств между фаворитами. Старый Рене, скорее всего, снова завладеет провинцией, но коммерческие предприятия могут достаться тем, к кому Карл благоволит. Похоже, ему доставляет удовольствие изгонять английских купцов. С полдюжины из них уже подали лорд-канцлеру Генриха петиции с просьбой о вмешательстве. Другая дюжина призвала солдат защитить их имущество, но лорд Йорк сидит в Нормандии и не торопится помочь им. Это к лучшему.

– Если ситуация складывается так, как ты ожидал, что привело тебя сюда? – спросил Саффолк, нахмурившись.

Насмешливая ухмылка впервые сползла с лица Дерри, уступив место выражению озабоченности. Помня о балконе, он наклонился ближе и настолько понизил голос, что его едва было слышно за треском горящих дров.

– Один из моих людей прислал тревожные вести из Мэна. Поскольку король Карл, отягощенный двором, перемещается слишком медленно, сопровождающие его французские войска едва ли доберутся туда раньше будущего года. Как бы то ни было, бытует мнение, что Мэн не сдастся просто так. Эта область расположена вблизи Нормандии, и там живет много вышедших на покой ветеранов. В их распоряжении имеются сотни йоменов¹⁰ и фермеров, и они не из тех, кто склонит голову только потому, что какой-то французский лорд помашет у них перед носом соглашением о перемирии.

¹⁰ Йомен – свободный мелкий землевладелец.

– Стало быть, король Генрих должен приказать Йорку, чтобы тот использовал английскую армию для поддержания порядка, – сказал Саффолк. – Мы проделали слишком долгий путь по этой дороге и не можем позволить, чтобы сейчас все пошло прахом.

– Я размышлял об этом, Уильям, у меня в голове еще кое-что осталось. Йорк не отвечает на письма и приказы. Я не раз посылал ему предписания с королевской печатью, и никакой реакции с его стороны. Он пустил все на самотек и умывает руки. Нужно отдать ему должное, он знает, что делает. Можешь не беспокоиться, у меня есть определенные планы в отношении герцога Ричарда, но это не решает проблемы Мэна. Если произойдут вооруженные столкновения, твоя новая французская жена станет заложницей, а этого допустить нельзя.

Саффолк смотрел на языки пламени в камине, погрузившись в раздумья.

– Итак, ты хочешь увезти ее в Англию.

– Да, я хочу увезти ее в Англию. Я хочу, чтобы она вышла замуж за Генриха как полагается, пока все не рухнуло. Со временем я смогу добиться, чтобы король назначил командовать армией в Нормандии другого человека. Может быть, лорда Сомерсета, может быть, даже тебя, Уильям. Если король пошлет Йорка куда-нибудь в другое место, скажем в Ирландию, тому придется подчиниться. В следующем году мы сможем произвести выселения в Мэне без вмешательства французов. Я организую свадьбу в Англии, можешь не беспокоиться, но для этого мне нужна невеста. Мы не можем позволить им удерживать такую драгоценность, как Маргарита, пока выселения продолжаются.

– Через месяц выходит замуж ее старшая сестра. Я уверен, Маргарита захочет присутствовать на свадьбе. Да и позволят ли ей уехать?

– Должны позволить, – сказал Дерри, пожав плечами. – В конце концов, она уже замужняя женщина. Теперь это вопрос этикета, а они любят его соблюдать. Генрих пошлет флот и почетную гвардию, чтобы доставить домой свою французскую невесту. Мы устроим из этого грандиозное торжество. Это должно произойти до того, как они останутся на зимних квартирах.

Дерри потер ладонями виски, и Саффолк понял, насколько тот устал.

– Обо всем этом приходится думать мне, Уильям. Возможно, король Генрих отправит Йорка в Ирландию, и тогда ты введешь нашу армию в Мэн, дабы выселения прошли спокойно и мирно. Возможно, все там пройдет гладко и мои сообщения безосновательны. Но я был бы дураком, если бы не готовился к худшему.

– Твои сообщения? – переспросил Уильям. – Кажется, ты сказал, что сообщение прислал тебе один из твоих людей? Сколько писем по поводу Мэна ты получил?

– Пока восемь, – признался Дерри, сдавливая переносицу, чтобы прогнать сонливость. – Мне не нужно видеть пламя, чтобы понять, что в доме пожар, Уильям Поль. Я могу жонглировать шарами все то время, пока ты будешь доставлять свою маленькую принцессу в Англию.

– Сколько у меня времени? – спросил Саффолк.

Дерри махнул рукой:

– Может, пять месяцев, может, три. Спокойно гуляй на свадьбе сестры, пей вино и улыбайся французам. Но будь готов моментально сорваться с места, как только я пришлю весточку. Собственно говоря, все зависит от того, насколько быстро французы будут продвигаться на север – и скольких наших людей мы сможем уговорить оставить свои дома и земли, которые они приобрели на законных основаниях за это время.

– Хорошо, Дерри. Я сделаю все, что нужно. По этому поводу можешь не беспокоиться.

– И все-таки я буду беспокоиться, если ты не возражаешь, Уильям Поль. Я всегда беспокоюсь.

Глава 9

Дорога делала небольшой подъем и тянулась далее через дубовую рощу. Со склона близлежащего холма, покрытого зарослями папоротника, Томас Вудчерч видел тени деревьев на серых камнях. Это было идеальное место для засады – спасибо угрюмым английским солдатам, которые вырезали куски дерна и уложили их на камни. Местные дороги формировались на протяжении столетий естественным образом. Они петляли между препятствиями, огибая холмы и древние дубы, и не были похожи на английские дороги. Подобно римлянам, побывавшим здесь до них, англичане прокладывали дороги по прямой линии, выкорчевывая и выжигая все, что попадалось им на пути.

Томас присел, зная, что он почти невидим на склоне холма в своем темно-коричневом шерстяном жакете и кожаных охотничьих штанах. Его взору открывался прекрасный вид на долину. Дорога была пуста, но этим утром он заметил свежие следы конских копыт возле ворот и полдня шел по ним. Остатки железных подков свидетельствовали о том, что всадники были не местными жителями, которые редко владели даже маленькими пони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.